Свет в океане

Автор:
М. Стедман

Свет в океане

М. Л. Стедман

Том Шербурн – смотритель маяка. Изабель – его молодая жена. На далеком острове они ведут тихую и размеренную жизнь, и их единственная мечта – иметь детей.

И однажды к берегу прибивает лодку, в которой оказывается новорожденная девочка.

Кто она? Есть ли у нее родители? Это подарок судьбы или… чья-то трагическая потеря?

Немедленно сообщить о ребенке на материк или воспитывать его как собственного – решение, которое предстоит принять Тому и Изабель, решение, цена которого может быть слишком велика…

М.Л. Стедман

Свет в океане

Памяти родителей посвящается

Часть I

27 апреля 1926 года

Когда случилось чудо, Изабель стояла на коленях на краю утеса возле небольшого креста, сделанного Томом из прибитой к берегу доски. По чистому апрельскому небу плыло белое облако, и его отражение скользило по зеркальной глади океана. Женщина полила посаженный куст розмарина и слегка утрамбовала вокруг него землю.

– …и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого, – прошептала она.

Ей вдруг почудился крик младенца, но, решив, что это проделки воображения, она перевела взгляд на стадо китов, направлявшихся к теплым водам, где беременным самкам предстояло разрешиться от бремени. На водной глади то и дело появлялись их хвостовые плавники, похожие на иглы, вышивавшие гобелен океана. Снова послышался крик, на этот раз громче – его донес порыв свежего утреннего ветра. Но этого не может быть!

С этой стороны острова до самой Африки простирались бескрайние водные просторы. Здесь смыкались два великих океана – Индийский и Южный[1 - Условное название вод Тихого, Атлантического и Индийского океанов, окружающих Антарктиду. В действующем определении океанов от 1953 года Южного океана нет. – Здесь и далее примеч. пер.], образуя гигантский ковер, огибавший крошечный скалистый остров. В дни, похожие на этот, казалось, что отливавшая синевой океанская гладь была твердой и по ней можно запросто прошагать до самого Мадагаскара. Восточную часть острова от Австралии разделяли сотни миль, и он недовольно оглядывался назад, не в силах разорвать с ней связи, поскольку являлся вершиной самого высокого пика горной гряды, пролегавшей по дну океана. Очертания острова походили на разинутую пасть с хищно торчащими зубами, готовую поглотить беззащитные суда, спешившие скорее оказаться в безопасности тихих бухт материка.

Будто заглаживая невольную вину, островок, носивший имя Януса, дал приют маяку, чей свет предупреждал об опасности за тридцать миль. Каждую ночь в воздухе слышался ровный гул вращающихся линз, равнодушных к скалам и не обращавших внимания на волны: в случае бедствия здесь можно было найти

приют.

Снова послышался плач. Вдалеке скрипнула дверь маяка, и на галерее появилась высокая фигура – это был Том с биноклем в руках.

– Иззи, там лодка! – закричал он и показал рукой. – Там лодка на берегу!

Том выбежал из галереи, но вскоре появился снова, уже внизу.

– Похоже, в ней кто-то есть! – крикнул он. Изабель поспешила навстречу, и уже вдвоем, держась за руки, они бросились вниз по утоптанной тропинке к маленькому пляжу.

– Тут и правда кто-то есть! – сообщил Том. – Господи! Да это мужчина, но…

Человек, распластавшийся на сиденье, не шевелился, но плач по-прежнему доносился откуда-то снизу. Том подскочил к ялику и, подвинув мужчину, нагнулся посмотреть. Когда он выпрямился, в руках у него был сверток: обернутый в мягкий шерстяной женский жакет младенец.

– С ума сойти! – воскликнул он. – Черт меня подери, Иззи! Да это…

– Ребенок! Боже милостивый! Господи, Том! Том! Дай же его скорее сюда!

Том передал ей сверток и осмотрел мужчину – пульса у него не было, – после чего перевел взгляд на Изабель, которая рассматривала крошечное создание.

– Он умер, Изз. Что с ребенком?

– Похоже, с ним все в порядке. Ни царапин, ни ушибов. Какой же он хорошенький! – сказала она, прижимая его к себе. – Ну же, ну, теперь все хорошо, малыш, теперь все позади. Какая же ты крохотуля!

Том стоял не шевелясь и не сводил взгляда с тела мужчины. Несколько раз он крепко зажмурил глаза, чтобы убедиться, что это происходит наяву и ему ничего не привиделось. На руках у Изабель ребенок перестал плакать и лишь изредка судорожно всхлипывал.

– На теле вроде нет никаких ран, и больным он тоже не выглядит. Наверняка умер недавно… даже не верится… – Том помолчал, размышляя. – Отнеси ребенка в дом, Изз, а я чем-нибудь накрою тело.

– Но, Том…

– Притащить его наверх вряд ли получится, так что лучше оставить здесь, пока не подоспеет помощь. А прикрыть тело можно парусиной, что лежит в сарае. – Он казался совершенно спокойным, но почувствовал, как от оживших призраков прошлого повеяло холодом и по коже пробежали мурашки.

Остров занимал площадь примерно в одну квадратную милю. На нем было достаточно травы, чтобы прокормить несколько овец, коз и кур, и можно было даже развести простенький огород. Из деревьев росли только две высокие сосны, посаженные строителями маяка из Пойнт-Партагеза в 1889 году, то есть больше тридцати лет назад. Старые могилы напоминали о кораблекрушении, случившемся задолго до этого, когда судно «Гордость Бирмингема» напоролось на коварные рифы средь бела дня. На таком же судне был доставлен из Англии и сам маяк, изготовленный фирмой «Чанс бразерз» по последнему слову техники и с гарантией, что его можно установить где угодно, даже в самых суровых краях и труднодоступных местах.

Течения вокруг острова пригоняли, будто засасывая в воронку, невообразимую смесь всего и вся. Среди обломков кораблекрушений, выброшенных на берег, встречались и доски, и деревянные коробки из-под чая, и китовый ус. И посреди всего этого высилась стройная башня маяка, к которой жались остальные постройки, будто пытаясь укрыться от пронизывающих ветров.

Изабель, устроившись за старым столом на кухне, сидела, прижимая малютку к груди. Прежде чем войти, Том неторопливо вытер на крыльце ноги, потом подошел к жене и положил ей на плечо руку.

– Я прикрыл беднягу парусиной. Как малыш?

– Это девочка, – поправила Изабель улыбаясь. – Я искупала ее. Похоже, с ней все в порядке.

Ребенок уставился на него, не переставая сосать из бутылочки.

– Интересно, что она обо всем этом думает? – поинтересовался Том.

– Я дала ей молока, и теперь мы пьем. Верно, маленькая? – заворковала Изабель, переадресуя вопрос ребенку. – Эта девочка просто прелесть, Том, – продолжила она, целуя кроху. – Один Господь знает, что с ней произошло.

Том достал из буфета бутылку бренди, плеснул немного в стакан и залпом выпил. Потом сел рядом с женой и наблюдал, с каким восторгом она разглядывала сокровище у себя в руках. Ребенок не спускал с нее глаз, будто боялся, что Изабель исчезнет, если посмотреть в сторону.

– Ах ты, маленькая, такая крошечная и несчастная, – причитала Изабель, а малютка пыталась уткнуться носом ей в грудь. Том слышал, как голос жены задрожал, и они оба невольно подумали о своей недавней потере.

– Ты ей нравишься, – сказал он. – Если бы только… – Заметив на ее лице боль, он быстро добавил: – Я хотел сказать… я совсем не это имел в виду… Просто ты была бы замечательной матерью.

Он нежно погладил ее по щеке.

– Я знаю, милый, – произнесла она, посмотрев на Тома. – Я знаю, что ты имел в виду. Я чувствую то же самое.

Он обнял жену с ребенком на руках, и она уловила запах бренди.

– Том, как чудесно, что мы нашли ее вовремя!

Том поцеловал ее и коснулся губами лба малютки. Они долго не шевелились, а потом ребенок заерзал и вытащил кулачок из пушистого желтого одеяла.

– Ладно, – сказал Том, поднимаясь и расправляя плечи. – Пойду сообщу, что прибило ялик, и пусть пришлют судно забрать тело. И маленькую мисс.

– Подожди, – остановила его Изабель, перебирая пальчики малютки. – Я хочу сказать, что никакой спешки тут нет. Покойнику уже все равно, а малышка и так наплавалась достаточно. Не надо ее сейчас тревожить. Пусть хоть немного придет в себя.

– Им и так потребуется время, чтобы добраться до острова. С ней все будет в порядке. Тебе даже удалось ее успокоить, такую кроху.

– Давай немного подождем. Все равно это ничего не изменит.

– Я должен сделать запись в журнале. Ты же знаешь, что о таких вещах следует докладывать незамедлительно, – напомнил Том. В его обязанности входило регистрировать все более или менее значительные события, происходившие на маяке и вокруг него, начиная с проплывавших мимо судов и заканчивая проблемами с механизмом.

– Сообщишь утром, ладно?

– А если эта лодка с судна?

– Это ялик, а не спасательная шлюпка, – возразила Изабель.

– А вдруг где-то на берегу ее мать сходит с ума от беспокойства? Представь себя на ее месте.

– Ты же видел жакет. Скорее всего мать упала за борт и утонула.

– Милая, мы понятия не имеем, что с ее матерью. И кто этот мужчина.

– Но такое объяснение напрашивается само собой, разве нет? Младенцы не сбегают от родителей.

– Иззи, мы не знаем, что случилось. Мы ничего не знаем.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы младенцы уплывали от матерей? – Она еще крепче прижала малютку к груди.

– Иззи, это не шутки. Тот мужчина мертв.

– А девочка жива! Пожалей ее, Том.

В голосе жены звучала такая мольба, что Том не решился настоять на своем. Может, ей и правда нужно просто побыть с ребенком чуть дольше. Неужели он откажет Изабель в такой малости после всего, что ей пришлось пережить? В наступившей тишине она не сводила с него умоляющего взгляда.

– Ладно, если уж так необходимо… – неохотно протянул он. – Думаю, до утра это может подождать. Но утром – обязательно! Как только выключу маяк.

Изабель поцеловала Тома и сжала его руку.

– Мне надо вернуться на маяк. Я так и не поменял пароотводную трубку, – сказал он.

Шагая по тропинке, он слышал, как Изабель принялась напевать песенку про девушку, просившую ветер дуть с юга, чтобы к ней скорее вернулся суженый. Хотя мелодия была вовсе не грустной, но улучшить ему настроение не смогла. Поднимаясь по ступенькам наверх, он никак не мог отделаться от ощущения совершенной ошибки.

Глава 1

16 декабря 1918 года

– Да, я понимаю, – подтвердил Том Шербурн. Он сидел в скромно обставленном кабинете, где было так же душно, как и на улице. По стеклу барабанили капли летнего сиднейского дождя, заставлявшего прохожих ускорять шаг.

– Я не шучу, когда говорю, что жизнь там не сахар. – Мужчина, сидевший за столом напротив, кивнул для убедительности головой. – И совсем не похожа на

развлекательную прогулку. Байрон-Бей – не самое плохое место в ведении Маячной службы, но я хочу быть уверенным, что ты понимаешь, как там будет. – Утрамбовав табак в трубке большим пальцем, он раскурил ее.

Из заполненной Томом анкеты вырисовывалась типичная для тех лет биография: родился 28 сентября 1893 года, воевал на фронте. Владеет МСС – Международным сводом сигналов – и азбукой Морзе, физически здоров и крепок, уволен с военной службы с отличной аттестацией. Согласно инструкции, предпочтение при приеме на работу следовало отдавать бывшим фронтовикам.

– Вряд ли… – Том запнулся, но все-таки сказал: – При всем уважении, мистер Кафлэн, там вряд ли будет труднее, чем на Западном фронте.

Мужчина полистал увольнительные документы и поднял глаза на Тома, будто хотел прочесть что-то по его лицу.

– Нет, сынок, не труднее. В этом, думаю, ты прав, – согласился он и принялся вводить в курс дела: – До места назначения добираешься за свой счет. Работа вахтовая, поэтому выходных тебе не положено. Постоянные сотрудники имеют право на месячный отпуск по истечении трех лет службы. – Он достал толстую ручку и подписался на формуляре, после чего, прижав печать к штемпельной подушке, поставил ее в трех разных местах. – Добро пожаловать в Маячную службу Содружества.

На бланке блестела дата, выведенная еще не успевшими высохнуть чернилами: 16 декабря 1918 года.

За шесть месяцев пребывания в Байрон-Бей у побережья Нового Южного Уэльса, где жили еще два смотрителя с семьями, Том постиг все нехитрые премудрости профессии, после чего отправился на смену на остров Маатсукер к югу от Тасмании, где почти всегда лил дождь, а штормы были такой силы, что сдували кур в море.

Работа смотрителем маяка оставляла Тому Шербурну много времени для раздумий о войне. Он вспоминал лица товарищей, подставлявших плечо и не раз спасавших ему жизнь, вспоминал лица умиравших, чьи прощальные слова было не разобрать, но он все равно согласно кивал, слушая их.

Тома миновала судьба тех, кому снаряды рвали сухожилия на ногах или вспарывали живот, откуда вываливались кишки, похожие на ком скользких угрей. Его легкие и мозг не были превращены в кисель отравляющим газом. Но, как и у любого человека, прошедшего горнило войны, она оставила в душе незаживающие раны, накрывая тенью черного облака всю последующую жизнь.

Он старался не думать о ней, зная, как много людей так и не смогли взять себя в руки и превратили свое существование в постоянный кошмар. Он старался отвлечься от мучительных переживаний, природу которых невозможно описать словами. Когда ему снились те годы, он себе представлялся мальчиком лет восьми с заляпанными кровью руками. Этот маленький мальчик противостоял взрослым дядям с винтовками и штыками и переживал, что никак не мог подтянуть сползшие носки, в которых ходил в школу: для этого надо было выпустить из рук винтовку, а она тяжелая и все время норовила выскользнуть из рук. И еще он никак не мог найти свою маму.

Потом он просыпался, и кругом только ветер, волны и маяк с хитроумным механизмом, поддерживавшим огонь и вращавшим линзы. И он снова оглядывался назад.

Если бы удалось укрыться от людей и воспоминаний, время бы наверняка излечило все раны.

Сидней, где прошло детство Тома, разделяли от Януса тысячи миль. И маяк, располагавшийся на острове, был последним напоминанием об Австралии, которое видели новобранцы с борта военного транспорта, увозившего их в Египет в 1915 году. После отплытия из Албани в морском воздухе еще долго стоял запах эвкалипта, а когда он исчез, Том вдруг с болью ощутил потерю чего-то важного, о существовании которого он раньше даже не подозревал. А спустя много часов появился маяк – самый отдаленный кусочек родины. И свет его луча, похожий на прощальный поцелуй, запечатлелся в памяти на долгие военные годы. Когда в июне 1920 года Том узнал об открывшейся там вакансии смотрителя, он расценил это как личное приглашение старого знакомого.

Остров Янус, оседлавший континентальный шельф, считался одним из самых непривлекательных мест работы во всей Маячной службе. Хотя из-за тяжелых условий за работу там и платили по самой высокой ставке, но бывалые

смотрители уверяли, что овчинка выделки не стоит, поскольку эти деньги никак не окупали трудностей службы. Тому предстояло заменить смотрителя по имени Тримбл Докерти, который встревожил начальство сообщением, что его жена посылает проходящим судам сигналы флажками МСС. Начальство посчитало необходимым принять меры исходя из следующего. Во-первых, несколько лет назад заместитель директора Маячной службы издал специальный приказ, запрещающий передавать с Януса сигналы флагами, поскольку суда, пытаясь их разобрать, могли подойти к острову на опасно близкое расстояние. И во-вторых, жены Тримбла, о которой шла речь, к тому времени уже не было в живых.

По этому поводу была затеяна оживленная переписка между Фримантлом и Сиднеем. Заместитель директора во Фримантле, ставя в известность о событиях головной офис, делал упор на безупречность многолетней службы Докерти. Однако начальство в Сиднее интересовало лишь неукоснительное соблюдение принятых правил и исполнение сметы. Найденный компромисс предусматривал предоставление Докерти шестимесячного отпуска на лечение, а на этот период его должен был подменить временный смотритель.

– Обычно мы не посылаем на Янус холостяков. Это очень далекая точка, и жена с семьей там нужны не только чтобы скрасить досуг, но и помочь по хозяйству, – сообщил Тому окружной инспектор Маячной службы. – Но учитывая, что вы туда отправляетесь на подмену… В общем, через два дня вы должны отбыть в Партагез. – С этими словами он подписал бумаги о командировании Тома на остров Янус на полгода.

Собирать ему было особо нечего, да и прощаться не с кем. Через два дня Том поднялся на борт парохода «Прометей» с вещевым мешком, в котором уместился весь его нехитрый скарб. Это судно курсировало вдоль южного побережья Австралии, заходя в портовые города между Сиднеем и Пертом. Несколько кают для пассажиров первого класса располагались на верхней палубе ближе к носу. Том плыл третьим классом, и его соседом по каюте оказался старый моряк.

– Я ходил по этому маршруту целых полсотни лет, так что у них духу не хватит брать с меня деньги за проезд. Обойдутся! – жизнерадостно поведал моряк и переключил внимание на большую бутылку крепчайшего рома, с которой коротал время. Чтобы поменьше дышать парами алкоголя, дневные часы Том обычно проводил на палубе. А вечерами в трюме играл в карты.

Отличить фронтовиков от тех, кто остался дома, никакого труда не представляло. И те и другие безошибочно это чувствовали и сторонились друг друга, предпочитая общество себе подобных. Пребывание в трюме оживило воспоминания о судах, которые везли новобранцев сначала на Ближний Восток, а потом во Францию. Оказавшись на борту, они сразу каким-то удивительным чутьем точно определяли, кто служил офицером, кто ходил в нижних чинах и кто где воевал.

Как и на военном транспорте, сразу стали думать, чем бы себя занять, чтобы развеять скуку морского путешествия. Решили остановиться на проверенном способе. Первый, кому удастся раздобыть сувенир в каюте первого класса, окажется победителем. Правда, сувенир был особенным: пара женских панталон. Призовой фонд удваивался, если панталоны будут не просто изъяты из каюты, а сняты с их обладательницы.

Зачинщик состязания – усатый здоровяк по имени Макгоуэн с желтыми от сигарет пальцами – сообщил, что узнал у стюарда, кто ехал первым классом. Выбор оказался невелик. Всего кают первого класса было десять. Адвокат с женой занимали каюту с широкой кроватью, было еще несколько пожилых пар и две старые девы (неплохой вариант). Но наибольший интерес представляла дочка какого-то толстосума, ехавшая в одиночестве.

– Думаю, что можно подняться по борту до окна каюты и залезть в нее, – объявил Макгоуэн. – Кто со мной?

Опасность предприятия не удивила Тома. После возвращения он слышал десятки подобных историй. Мужчины рисковали жизнью по глупой прихоти – на лошади, скачущей галопом, брали барьер в виде шлагбаума на железнодорожных переездах; заплывали в расщелины с единственной целью пощекотать себе нервы и выяснить, удастся ли им оттуда выбраться. Мужчины так привыкли испытывать судьбу, что теперь искали малейший предлог, лишь бы снова испытать былую остроту ощущений. Обычная жизнь им казалась слишком пресной. А может, они просто куражились.

На следующую ночь, проснувшись в холодном поту от очередного кошмара, Том решил прогуляться по судну, чтобы успокоиться. Время было два часа ночи. В это время суток можно гулять где захочется, и он решил подняться на верхнюю палубу. Глядя на лунную дорожку, он поднимался по ступенькам, держась за поручень, чтобы не оступиться при качке, и полной грудью вдыхал свежий

морской воздух. На небе светились яркие россыпи звезд.

Заметив краем глаза, как в одной из кают мелькнул свет, он подумал, что и в первом классе кому-то не спится. И вдруг неожиданно ощутил знакомое чувство опасности. Тихо подобравшись к каюте, Том заглянул в окно и увидел мужчину и прижавшуюся к стене девушку, хотя ее никто не трогал. Мужчина наклонился к ней совсем близко, и на его лице заиграла ухмылка, которую Тому не раз доводилось видеть. Он узнал одного из участников пари, заключенного в трюме, и вспомнил о призовом фонде, который мог быть удвоен. Кретины! Том нажал на ручку, и дверь открылась.

– Оставь ее в покое! – сказал он спокойно, но решительно, входя в каюту.

Мужчина резко обернулся посмотреть, кто это, но, узнав Тома, улыбнулся:

– Вот черт! А я уж было решил, что это стюард. Можешь мне помочь, я как раз собирался…

– Я сказал – оставь ее в покое! Вон отсюда! Немедленно!

– Но я не закончил. Я как раз собирался устроить ей праздник. – От него пахло спиртным и табаком.

Том положил ему руку на плечо и сжал так сильно, что мужчина вскрикнул от боли. Он был на добрых шесть дюймов ниже Тома, но все же попытался ударить его кулаком. Том перехватил руку и вывернул ее.

– Имя и звание!

– Маккензи. Рядовой. CX 3277. – Он по привычке даже назвал свой армейский номер.

– Рядовой, ты извинишься перед молодой леди, вернешься в кубрик и не высунешь оттуда носа, пока мы не пришвартуемся. Все ясно?

– Так точно, сэр. – Он повернулся к женщине: – Прошу прощения, мисс. Я не хотел ничего дурного.

Так и не оправившись от страха, она слабо кивнула.

– А теперь убирайся! – скомандовал Том, и мужчина, моментально протрезвев, выскользнул из каюты.

– С вами все в порядке? – спросил Том у женщины.

– Я… мне кажется, да.

– Он причинил вам боль?

– Он… – Она говорила так, будто отвечала на вопрос, которым сама задавалась. – Он до меня не успел даже дотронуться.

Том заглянул ей в лицо. Ее серые глаза начинали успокаиваться. Распущенные темные волосы спускались волнами до плеч, а кулачки еще нервно сжимали ворот ночной сорочки. Том снял с вешалки халат и накинул ей на плечи.

– Благодарю вас, – сказала она.

– Вы, должно быть, сильно перепугались. Боюсь, что некоторые из нас совсем одичали на войне.

Она промолчала.

– Больше он вас не потревожит. – Том поднял опрокинутый стул. – Решайте сами, стоит ли на него заявлять. Думаю, что он уже никогда не будет прежним.

В ее глазах стоял немой вопрос.

– Война меняет человека. В голове все путается, и человек перестает различать добро и зло. – Том повернулся чтобы уйти, но задержался и посмотрел на нее. – У вас есть полное право подать на него в суд, если пожелаете. Но ему, наверное, и так пришлось хлебнуть в жизни всякого. Как я и сказал, поступайте, как считаете правильным.

С этими словами он вышел из каюты.

Глава 2

Пойнт-Партагез получил свое название от французских первооткрывателей, которые нанесли на карту мыс на юго-западной оконечности австралийского континента задолго до начавшейся в 1826 году британской колонизации запада материка. Скваттеры двинулись на север от Албани и на юг от колонии Суон-Ривер, захватывая девственные леса на территории в сотни миль. Светлокожие люди вырубали высокие вековые деревья, прокладывали дороги и освобождали землю под пастбища. Караваны повозок, запряженных лошадьми, потянулись по узким дорогам, и земли, не знавшие до этого никакого насилия, теперь выжигались, распахивались, обмерялись и раздавались людям, прибывшим из другого полушария в поисках лучшей доли. Здесь судьба могла им уготовить и невероятные лишения, и смерть, и баснословное богатство.

Городок Партагез на стыке двух океанов образовался сам по себе, притягивая как магнитом жителей в это удобное место, где была пресная вода, плодородная почва и отличная бухта. Местный порт, конечно, не мог соперничать с Албани, но вполне годился для перевозки древесины, сандалового дерева и говядины. Постепенно поселение обрастало ремесленниками и торговцами, в городке открылась школа, появились разные церкви, много кирпичных и каменных домов и еще больше – деревянных. Заработали магазины, возвели здание ратуши, и даже открылось отделение фирмы Далгети по продаже товаров для колонистов и скупке их продукции. И еще открылось много питейных заведений. Очень много.

С самого основания поселения его жители считали, что все стоящие внимания события происходят за его пределами. Новости из внешнего мира напоминали капли дождя, которые с трудом просачивались сквозь густую крону деревьев: стоило кому-то что-нибудь узнать, как новость передавалась из уст в уста. Но ситуация чуть улучшилось в 1890 году, когда проложили телеграфную линию и в городке кое у кого даже появились телефоны. В 1899 году мужчины из Пойнт-Партагеза отправились в Трансвааль на англо-бурскую войну, и хотя с нее вернулись не все, но даже это не изменило мнения, что Партагез жил своей обособленной жизнью, в которой просто не могло произойти ни удивительно

хороших, ни на редкость плохих событий.

В других городах все было иначе. Например, в Калгурли, который находился в сотнях миль в глубь материка, под коркой пустыни пролегали золотые жилы. Туда съезжались старатели, не имевшие ничего, кроме тачки и лотка, а уехать могли на легковом автомобиле, за который расплачивались золотым самородком размером с кошку. Не случайно в названиях улиц там то и дело встречалось слово «Крез». Мир нуждался в том, что имелось в Калгурли. А древесина и сандаловое дерево, которые мог предложить Партагез, были сущей мелочевкой, спрос на которую никогда не порождал бума и буйного расцвета.

Но в 1914 году все изменилось. Неожиданно выяснилось, что у Партагеза тоже имелось нечто, в чем отчаянно нуждался мир. Это были молодые мужчины, лесорубы и пахари, привычные к лишениям и тяжелому труду. Эти мужчины были отличным пушечным мясом для войны в другом полушарии.

1914 год запомнился торжественными проводами и запахом кожи на новеньких формах. Но год спустя жители Партагеза вдруг стали ощущать, что события в мире уже не обходят стороной их городок: любимые и пышущие здоровьем мужья и сыновья не возвращались, но зато начали приходить телеграммы. Эти клочки бумаги часто выпадали из обессиленных рук и тут же подхватывались порывистым ветром. В них говорилось, что чудесных сыновей, которых они растили, купали, бранили и жалели… что их больше нет на свете. Партагез стал частью большого мира позже других, и присоединение сопровождалось мучительной болью.

Конечно, дети умирали и раньше. Никто не мог дать гарантии, что ребенок родится живым или что он проживет долго. Выживали только самые здоровые и везучие. Об этом красноречиво свидетельствовали записи в семейных Библиях, да и на кладбище было немало могил детей, погибших от укуса змеи, болезни или несчастного случая вроде неудачного падения с повозки. Эти дети восприняли материнские увещевания «не шуметь» буквально, а их братья и сестры быстро привыкали накрывать на стол на одного человека меньше, как, впрочем, и к тому, что после очередных родов им придется потесниться. Как не все зерна пшеницы, брошенные в землю, сумеют прорасти, так и Господь отмеряет всем жизненный срок и прибирает к себе «лишних» согласно одному Ему ведомым соображениям.

Городское кладбище всегда честно фиксировало каждую смерть, и его надгробия, иногда покосившиеся и торчавшие из земли, как кривые и гнилые зубы, рассказывали, как кто-то утонул, кого-то придавило насмерть бревном, а кого-то убила инфлюэнца или даже удар молнии. Но с 1915 года все изменилось: мужчины со всей округи продолжали умирать десятками, а кладбище никак на это не реагировало.

Причина была проста: эти тела погибших лежали где-то в грязи на чужбине. Власти делали что могли: там, где позволяли условия и военная обстановка, рылись могилы. Если останки разорванных тел удавалось опознать, а для этого прилагались все силы, то погибших хоронили с военными почестями. Могилы фотографировались, и потом за два фунта один шиллинг и шесть пенсов семья могла приобрести официальный памятный снимок в рамке. Позже появлялись военные мемориалы, но они воздвигались не столько в знак скорби по павшим, сколько во славу победы, оплаченной их жизнями. Но люди считали, что такой победой жизни вряд ли стоило так уж гордиться.

В Партагезе семей, потерявших на фронте своих мужчин, было предостаточно. Причем никакого призыва на военную службу и мобилизации не было. Никто не заставлял их идти воевать.

Но особенно жестоко судьба обошлась с теми, кого считали «счастливчиками», вернувшимися домой. Детей в честь их возвращения принаряжали, и даже собаке на ошейник повязывали бант, чтобы чувствовался общий праздник. Обычно именно собака первой замечала, что с хозяином что-то не так. И не потому, что у мужчины не хватало глаза или ноги: вернувшиеся были будто пропавшими без вести, хотя никуда и не пропадали. Взять хотя бы Билли Уишарта с мельницы Сэдлера. Трое детишек и чудесная жена, о которой можно только мечтать. После газовой атаки Билли не может даже толком держать ложку: она стучит о тарелку, как соломорезка, и разбрызгивает суп по всему столу. А руки трясутся так, что невозможно застегнуть пуговицы. А оставшись ночью с женой, он не раздевается, а сворачивается калачиком на кровати и плачет. Или взять Сэма Даусетта, которому удалось выжить в кровавой мясорубке при высадке на Галлиполи, но зато ему оторвало обе ноги и снесло пол-лица в битве при Буллекурте. Его овдовевшая мать не спит ночами, переживая, кто позаботится о ее мальчике, когда Господь призовет ее к себе. Во всей округе не найдется дурочки, которая согласится связать с ним свою судьбу. Такие люди похожи на дырки в швейцарском сыре, в которых ничего нет.

На лицах близких надолго застывало выражение как у сбитых с толку игроков, которым сообщили, что правила игры внезапно изменились. Они изо всех сил пытались радоваться самому факту, что их мужчины пострадали не зря и внесли свой вклад в чудесную победу добра над злом. Иногда им это удавалось, и они проглатывали крик злого отчаяния, который так и норовил отрыгнуться, как принесенный в зобе птенцам корм.

Люди старались с пониманием отнестись к поведению ветеранов войны, которые увлекались выпивкой, затевали драки и не могли работать больше нескольких дней. Постепенно жизнь в городке вошла в привычное русло. Келли снова стал торговать бакалейными товарами. Старый Лен Брэдшо снова встал у прилавка своей мясной лавки, хотя его сын с нетерпением ждал, когда же отец наконец уступит ему место. Это было видно хотя бы по тому, как по-хозяйски он держался за прилавком, поворачиваясь достать свиную вырезку или голову. После гибели мужа в Галлиполи миссис Ингпен (у которой, похоже, не было обычного имени, хотя наедине сестра и называла ее Попси) взяла кузнечное дело в свои руки. Ее суровое лицо казалось высеченным из камня, а твердостью характера она ничуть не уступала железным гвоздям, которыми подковывали лошадей у нее в кузнице. На нее работали верзилы, от которых слышалось лишь уважительное: «Да, миссис Ингпен. Нет, миссис Ингпен. Все готово, миссис Ингпен», хотя любому из них она едва доставала до плеча.

Люди знали, кому можно отпускать в кредит, а кому нельзя, кому можно верить, что товар не подошел, и вернуть за него деньги, а кому веры не было. У Мушмора торговля мануфактурными товарами и галантереей шла особенно бойко перед Рождеством и Пасхой, а зимой повышался спрос на шерсть для вязания. Неплохо продавалось и женское нижнее белье. Терпеливо поправляя тех, кто неправильно произносил его фамилию, Ларри Мушмор неизменно проводил пальцем по тонким усикам. Он с изумлением наблюдал, как миссис Таркл все-таки открыла по соседству меховой салон, идея которого превратилась для нее в настоящее наваждение. Меховой салон? В Пойнт-Партагезе? Я вас умоляю! Через полгода салон прогорел, и Мушмор лишь кротко улыбался, выкупая складские остатки исключительно из добрососедского милосердия. Он перепродал их практически за ту же цену капитану парохода, отплывавшему в Канаду. По словам капитана, там спрос на меха был огромный.

Таким образом, к 1920 году Партагез превратился в типичный городок на западе Австралии, которым начинали гордиться его настырные и трудолюбивые жители. На покрытом травой пятачке возле центральной улицы возвели

гранитный обелиск с именами не вернувшихся с войны добровольцев, которым больше не суждено взяться за плуг или валить лес. Некоторым из них едва стукнуло шестнадцать лет, и они никогда не продолжат учебу. И все же, вопреки всякому здравому смыслу, в городе продолжали их ждать. Постепенно город вернулся к прежней жизни, где судьбы обитателей тесно переплелись невидимыми для чужаков нитями, сотканными школой, работой и браками.

И остров Янус, связанный с материком только катером, приходившим четыре раза в год, походил на болтавшуюся пуговицу, которую вот-вот грозила оторвать Антарктика.

Длинный пирс был сооружен из того же эвкалипта, что привозили на железнодорожных платформах для последующей морской перевозки. В день прибытия Тома широкая бухта, вокруг которой раскинулся город, отливала синевой и сверкала, как шлифованное стекло.

Мужчины деловито сновали, разгружая судно и изредка перекликаясь друг с другом и свистя. На берегу тоже была толчея: лица людей выражали озабоченность, и все куда-то спешили, покидая порт пешком, на лошади или в легком экипаже.

Но в этой суете выделялась молодая девушка, кормившая хлебом чаек. Она бросала куски каждый раз в новое место и смеялась, видя, как птицы бросались за добычей, отпихивая друг друга и издавая пронзительные крики. Одна чайка умудрилась подхватить кусок хлеба на лету и тут же рванулась за следующим, чем вызвала у девушки новый приступ звонкого смеха.

Том вдруг сообразил, что даже не помнит, когда в последний раз слышал смех, лишенный грубости или горечи. На улице ярко светило зимнее солнце, и торопиться Тому было некуда. Через пару дней, встретившись с нужными чиновниками и подписав необходимые бумаги, он отплывет на Янус. Но сейчас еще не нужно вести вахтенный журнал, полировать призмы и заливать горючее в топливный бак. И рядом находилась девушка, которой было весело. И что, как не это, было лучшим подтверждением, что война наконец-то осталась в прошлом? Том устроился на скамейке возле пирса, подставил лицо ласковым лучам солнца и принялся наблюдать за девушкой, то и дело весело встряхивавшей волосами, будто забрасывая на ветру невод. Он следил за ее

изящными пальчиками, казавшимися особенно тонкими на фоне яркого синего неба. Немного погодя до него дошло, что она очень миловидна. А еще чуть позже – что, наверное, даже прекрасна.

– Чему вы улыбаетесь? – неожиданно спросила девушка, застав Тома врасплох.

– Прошу меня извинить, – покраснел он.

– Никогда не извиняйтесь за улыбку! – воскликнула она, но в голосе прозвучала грусть. Однако ее лицо тут же прояснилось. – Вы приезжий!

– Верно.

– А я здесь живу всю свою жизнь. Дать вам хлеба?

– Нет, спасибо. Я не голоден.

– Да не вам же, глупый! Чтобы чаек кормить!

Она протянула ему большой ломоть. Год назад, может, даже еще вчера Том бы отказался и ушел. Но неожиданно ее теплота, открытость, улыбка и еще что-то, чему он не знал названия, заставили принять приглашение.

– Спорим, что ко мне слетится больше чаек, чем к вам? – предложила она.

– Это мы еще посмотрим.

– Начали! – крикнула девушка, и они стали бросать куски высоко вверх или под разными хитрыми углами, невольно пригибаясь, когда чайки с пронзительным криком пикировали за добычей или яростно колотили друг друга крыльями.

Когда весь хлеб закончился, Том, смеясь, спросил:

– И кто же победил?

– Ой! А посчитать-то я и забыла! – Девушка пожала плечами. – Пусть будет ничья!

– Согласен, – отозвался он, поднимая свой вещмешок. – Что ж, мне пора. И спасибо! Мне очень понравилось.

– Просто глупая игра, – улыбнулась она.

– Тогда спасибо за напоминание, что глупые игры могут доставлять удовольствие. – Закинув мешок на плечо, он повернулся, чтобы уйти. – Желаю вам всего доброго, мисс, – добавил он.

Том позвонил в дверь пансиона на Главной улице. Здесь всем распоряжалась миссис Мьюитт – плотная женщина лет шестидесяти, похожая на приземистую перечницу.

– В вашем письме говорилось, что вы холостяк и родом из восточных штатов, поэтому буду признательна, если вы будете помнить, что здесь Партагез, а не Сидней. У меня приличное христианское заведение, так что никакого курения и выпивки я тут не потерплю!

Том собрался поблагодарить ее и забрать ключ, но она продолжала крепко сжимать его в руке.

– И никаких ваших заграничных штучек – со мной это не пройдет! Я меняю простыни после отъезда и надеюсь, что мне не придется отстирывать пятна. Думаю, что вы понимаете, о чем я. Двери запираются в десять, завтрак в шесть, и если опоздаете, то останетесь голодным. Чай в полшестого на тех же условиях. Обедаете на стороне.

– Премного благодарен, миссис Мьюитт, – отозвался Том, подавив улыбку, чтобы невзначай не нарушить какого-нибудь правила.

– Горячая вода обойдется в шиллинг в неделю. Сами решайте, нужно ли вам это. А на мой взгляд, в вашем возрасте холодная вода еще никому не вредила. – С этими словами она вручила ему ключ и, прихрамывая, скрылась в коридоре. Провожая ее взглядом, Том задумался, не было ли в ее жизни некоего мистера

Мьюитта, которому мужчины обязаны столь доброжелательным отношением.

Оказавшись в маленькой комнатке, он распаковал вещмешок и аккуратно разложил на единственной полке мыло и бритвенные принадлежности. Убрав брюки и носки в ящик комода, он аккуратно повесил свой выходной костюм и галстук в узкий шкаф, после чего сунул в карман книгу и отправился знакомиться с городом.

Последним мероприятием, которым завершалось пребывание Тома Шербурна в Пойнт-Партагезе, был ужин с начальником порта и его женой. Капитан Перси Хэзлак отвечал за всех сотрудников порта и по традиции ужинал с каждым смотрителем маяка на Янусе перед отбытием последнего на остров.

Умывшись и еще раз побрившись после обеда, Том смазал волосы бриллиантином и причесался, после чего пристегнул воротничок и облачился в выходной костюм. Поскольку небо затянуло тучами и с Антарктики подул пронизывающий ветер, Том решил на всякий случай надеть теплую куртку.

Так и не успев после Сиднея перестроиться на другой часовой пояс, он побоялся, что может опоздать, так как плохо знал город. Поэтому он решил выйти заранее, отчего пришел на ужин раньше назначенного времени. Начальник порта встретил его широкой улыбкой и представил свою жену, а когда Том извинился, что пришел слишком рано, она всплеснула руками:

– Я вас умоляю, мистер Шербурн! Это мы должны быть признательны, что вы почтили нас присутствием и принесли такие замечательные цветы! – Она с наслаждением вдохнула аромат поздних роз, которые Том по договоренности с миссис Мьюитт срезал в ее саду за отдельную плату. – Боже милостивый! Да вы ростом ничуть не уступаете маяку! – воскликнула она и улыбнулась собственной шутке.

Капитан забрал его шляпу и куртку и пригласил пройти в гостиную.

– «“Приходите ко мне в гости!” – мухе говорил паук»[2 - Строки из известного стихотворения Мэри Ховитт (1799—1888) «Паук и муха».], – с готовностью подхватила жена.

– Вот озорница! – довольно отозвался капитан, и было видно, что это их любимая шутка. Том понял, что вечер окажется долгим.

– Выпьете шерри? Или, может, предпочитаете портвейн?

– Пожалейте беднягу и дайте ему пива, миссис капитанша, – засмеялся Хэзлак и хлопнул Тома по плечу. – Давайте присядем, и вы мне о себе расскажете, молодой человек.

Тома спас звонок в дверь.

– Прошу прощения, – извинился капитан, и через мгновение Том услышал его голос в прихожей: – Сирил, Берта! Рад, что вы смогли прийти. Дайте мне ваши шляпы.

В гостиную вошла миссис Хэзлак с бутылкой пива и бокалами на серебряном подносе и пояснила:

– Мы решили пригласить несколько друзей, чтобы вы познакомились. Партагез – очень гостеприимный город.

Капитан ввел в гостиную довольно странную супружескую чету, состоявшую из тучного председателя Управления местных дорог Сирила Чиппера и его удивительно тощей жены Берты.

– А как вам наши местные дороги? – спросил Сирил сразу же после знакомства. – В сравнении с теми, что на востоке? Только попрошу ответить честно и без обиняков.

– Оставь молодого человека в покое, Сирил, – вмешалась его жена. Том с благодарностью на нее посмотрел, и в это время снова раздался звонок в дверь.

– Билл, Виолетта, рад вас видеть! – послышался голос капитана, открывшего входную дверь. – А вы, молодая леди, с каждым днем хорошеете все больше и больше. – Он ввел в гостиную представительного мужчину с седыми бакенбардами и его жену, дородную и раскрасневшуюся. – Это Билл Грейсмарк, его жена Виолетта и их дочь… – Он обернулся, но никого не увидел. – Куда она

запропастилась? Не важно, их дочь тоже где-то здесь, и мы наверняка ее скоро увидим. Билл – директор школы нашего города.

– Рад познакомиться, – сказал Том, обмениваясь рукопожатием с мужчиной и вежливо кивая даме.

– Так вы считаете, что справитесь на Янусе? – поинтересовался Билл Грейсмарк.

– Это скоро выяснится, – ответил Том.

– Знаете, там довольно безрадостно.

– Мне говорили.

– И на Янусе нет никаких дорог! – вмешался Сирил Чиппер.

– Само собой, – согласился Том.

– Я не в восторге от мест, где нет дорог, – не унимался Чиппер, и в его голосе сквозило осуждение.

– Но основная трудность там вовсе не в отсутствии дорог, – поддержал его Грейсмарк.

– Папа, оставьте его в покое! – Том стоял спиной к двери и не видел, как в гостиную вошла дочь. – Только ваших запугиваний ему сейчас и не хватает.

– Ага! Я же говорил, что наша пропащая объявится! – воскликнул капитан Хэзлак. – Это Изабель Грейсмарк. Изабель, позволь тебе представить мистера Шербурна.

Том повернулся, их взгляды встретились, и они узнали друг друга. Он уже хотел сказать что-то про чаек, но она остановила его фразой:

– Рада с вами познакомиться, мистер Шербурн.

– Зовите меня Том, пожалуйста, – отозвался он, размышляя, что она, судя по всему, не должна была проводить время, подкармливая чаек хлебом на пирсе. Интересно, какие еще секреты скрывает ее игривая улыбка?

Вечер проходил довольно мило. Чета Хэзлаков рассказывала об истории городка и о том, как строился маяк при жизни отца капитана.

– Маяк исключительно важен для торговли! – заверял начальник порта. – Воды Южного океана очень коварны, не говоря уж о подводных хребтах. Безопасность перевозок – обязательное условие для бизнеса, и с этим согласны все!

– Конечно, для истинной безопасности перевозок нет ничего важнее хороших дорог. – Чиппер снова попытался перевести разговор на единственную тему, которая его занимала.

Том старался быть внимательным, но краем глаза следил за Изабель. Повернувшись так, чтобы ее лицо не было видно другим, она с самым серьезным видом передразнивала Сирила Чиппера, глубокомысленно кивая после каждого его высказывания. Спектакль продолжался, пока Том наконец, не в силах больше сдерживаться, не прыснул и тут же закашлялся, чтобы скрыть неловкость.

– С вами все в порядке, Том? – спросила жена капитана. – Я принесу вам воды.

Том, не поднимая глаз и продолжая кашлять, ответил:

– Спасибо, я пойду с вами. Сам не пойму, чем поперхнулся.

Пока Том поднимался, Изабель, сохраняя абсолютно невозмутимый вид, обратилась к Сирилу:

– Когда он вернется, мистер Чиппер, вам нужно обязательно ему рассказать, как мостят дороги древесиной эвкалипта. – Затем с невинной улыбкой повернулась к Тому: – Постарайтесь не задерживаться. Вы даже не представляете, как много интересного мистер Чиппер может поведать. – Том поймал взгляд Изабель, и уголки ее губ едва заметно лукаво дрогнули.

Когда вечер подошел к концу, все пожелали Тому благополучного пребывания на Янусе.

– Похоже, вы годитесь для этой работы, – заметил Хэзлак, и Билл Грейсмарк согласно кивнул.

– Спасибо за все. Я был очень рад со всеми познакомиться, – ответил Том, пожимая руки мужчинам и кивая женщинам. – А вам я особо признателен за исчерпывающие сведения о дорожном строительстве на западе Австралии, которые получил благодаря вашему настоянию, – тихо добавил он, обращаясь к Изабель. – Жаль, что из-за отъезда я так и останусь вашим должником.

На этом все разошлись.

Глава 3

Ральф Эддикотт любил повторять, что «Уинворд спирит», обслуживавший все маяки на этой части побережья, был старой, но надежной, как верный пес, посудиной. Старина Ральф служил на ней шкипером с незапамятных времен и считал, что у него лучшая в мире работа.

– Так, значит, ты и есть Том Шербурн! Добро пожаловать на мою прогулочную яхту! – пригласил он Тома на изъеденную солью палубу, обшитую крашеными досками, когда тот явился перед рассветом, чтобы впервые отправиться на Янус.

– Рад познакомиться, – пожал Том протянутую руку. Двигатель урчал на холостом ходу, и в воздухе стоял запах отработанного дизельного топлива. В каюте оказалось немногим теплее, чем за ее пределами, но здесь хотя бы не пробирали насквозь резкие порывы пронизывающего ветра.

Из люка в конце каюты высунулась голова, увенчанная копной рыжих курчавых волос.

– Все готово, Ральф. Можем отправляться, – сказал молодой человек.

– Блюи, это Том Шербурн, – представил Ральф.

– Привет, – отреагировал Блюи, вылезая из люка.

– Рад знакомству.

– Ну и колотун! Надеюсь, у тебя есть теплые подштанники. Если уж здесь так пробирает, то на Янусе во сто раз хуже! – сообщил Блюи, пытаясь согреть руки дыханием.

Пока Блюи показывал Тому судно, шкипер делал последние приготовления и, протерев куском тряпки заляпанный стакан, скомандовал:

– Отдать причальные концы!

Он прибавил обороты, и судно медленно и неохотно отошло от причала.

Том изучил карту на штурманском столе; несмотря на то что она была подробной, но даже на ней Янус выглядел всего лишь точкой на мелководье вдали от материка. Том перевел взгляд на бескрайние морские просторы, лежавшие по курсу, и ни разу не оглянулся на берег, будто боясь, что может передумать.

Шли часы, воды становились все глубже, их цвет менялся, а поверхность начинала казаться твердой. Время от времени Ральф показывал на парившего в небе морского орла или стаю дельфинов, увязавшихся за судном. Однажды на горизонте показалась труба парохода. Блюи несколько раз приносил из камбуза чай в эмалированных кружках со сколами. Ральф рассказывал Тому разные байки об ужасных штормах и трагедиях, случившихся на маяках в этой части побережья. Том поделился своими впечатлениями о жизни смотрителей маяков в Байрон-Бей и на острове Маатсукер в тысячах миль на восток.

– Если ты смог выжить на Маатсукере, то, возможно, сумеешь и на Янусе, – заметил Ральф и, взглянув на часы, предложил: – Может, соснешь немного, пока есть такая возможность? Нам еще плыть и плыть.

Когда Том, отдохнув, снова появился в рубке, Блюи, понизив голос, что-то говорил Ральфу, а тот неодобрительно качал головой.

– Я всего лишь хочу узнать, правда ли это. Что плохого, если просто спросить? – донеслись до Тома слова Блюи.

– Спросить у меня что? – поинтересовался Том.

– Правда ли… – начал Блюи и посмотрел на Ральфа. Увидев, как тот недовольно скривился, он смутился и замолчал.

– Хотя я напрасно вмешиваюсь. Это не мое дело, – сказал Том и перевел взгляд на воду, которая стала темно-серой и начала волноваться.

– Я тогда был слишком молод, а прибавить возраст, чтобы взяли на фронт, мать запретила. И я слышал…

Том посмотрел на него, вопросительно приподняв брови.

– В общем, мне сказали, что тебя наградили Военным крестом и все такое, – выпалил он. – Об этом говорилось в увольнительных бумагах, которые ты подавал для Януса.

Том перевел взгляд на воду. Блюи смутился и явно расстроился.

– Просто я бы гордился тем, что пожал руку герою.

– Кусок латуни никого не превращает в героя. Многих ребят, которые действительно заслуживают наград, уже нет в живых. Поверь, дело вовсе не в медалях, – ответил Том и, отвернувшись, принялся изучать карту.

– А вон и остров! – воскликнул Блюи и передал бинокль Тому.

– Дом, милый дом, аж на целых полгода! – хмыкнул Ральф.

Том навел окуляры на остров, вылезавший из морской пучины, будто какое-то чудовище. На его краю высился утес, от которого через весь остров тянулся пологий спуск.

– Старик Невилл обрадуется нашему приезду, – заметил Ральф. – Он вышел на пенсию, и ему не очень-то пришлось по душе ехать на срочную подмену Тримбла. Но смотритель есть смотритель… В Маячной службе не найдется человека, который оставит маяк без присмотра, какими бы ни были обстоятельства. Но должен тебя предупредить: Невилл Уитниш – не самый приятный в общении человек. Из него слова не вытянешь.

Пристань уходила в море на добрую сотню футов и была высокой и прочной, чтобы не оказаться затопленной приливами и выстоять в жестокие штормы. Ручные шестеренные тали были готовы к перевалке грузов на крутой подъем, где располагались служебные постройки. На берегу окончания швартовки ждал сурового вида мужчина лет шестидесяти с небольшим.

– Ральф, Блюи, – небрежно кивнул он морякам. – А это, стало быть, сменщик, – констатировал он.

– Том Шербурн. Рад познакомиться, – отозвался Том, протягивая руку.

Старик рассеянно на нее посмотрел, не сразу сообразив, что от него требуется, а потом дернул Тома за руку с такой силой, будто желал проверить, крепко ли она держится.

– Сюда, – сказал он и, не дожидаясь, пока Том заберет свои вещи, стал подниматься к постройкам. День был в самом разгаре, и после многочасовой качки Том не сразу освоился на твердой почве под ногами. Подхватив вещмешок, он устремился за смотрителем, а Ральф и Блюи стали готовиться к разгрузке.

– Дом смотрителя, – бросил Уитниш, когда они подошли к приземистому зданию с крышей из гофрированного железа. Возле складских построек, где хранилось оборудование, а также запасы продовольствия и горючего, стояли в ряд три бака с дождевой водой. – Вещи можешь оставить в прихожей, время не терпит. – С этими словами он резко повернулся и зашагал к маяку. Несмотря на почтенный возраст, он двигался очень быстро.

Однако когда Уитниш рассказывал о маяке, в его голосе неожиданно зазвучали теплые нотки, с которыми обычно говорят о преданной собаке или о любимом кусте роз.

– Даже после стольких лет службы он держится молодцом! – сообщил он.

Белокаменная башня маяка, похожая на длинный брусок мела, ярко выделялась на серовато-голубом небе. Она стояла на самой высокой точке острова возле скалы и устремлялась ввысь на сто тридцать футов. Том поразился не только ее размерам – она превосходила все маяки, на которых ему уже довелось поработать, – но и стройности, и удивительному изяществу линий.

За зеленой дверью все было привычно. Крошечное помещение в пару больших шагов в поперечнике. Шаги по выкрашенному зеленой краской полу гулко отдавались, будто шальные пули рикошетили от круглых стен, покрытых белой известкой. Два маленьких шкафчика и миниатюрный стол с закругленными задними стенками, чтобы занимать меньше места, выпирали из стен как волдыри. Посередине располагался толстый металлический цилиндр, уходивший в световую камеру. В нем находились грузы, приводившие в движение часовой механизм, который раньше вращал линзы светового устройства.

Ступеньки шириной не больше двух футов поднимались по спирали вдоль стены и вели на следующие уровни. Пятая по счету площадка находилась непосредственно под световой камерой – сердцем маяка, где располагался административный центр. На столе – вахтенные журналы, телеграфный аппарат для передачи сигналов при помощи азбуки Морзе, бинокль. Понятно, что установить кушетку для отдыха или какую-то мебель запрещалось, но зато там имелось деревянное кресло с прямой спинкой и отполированными до блеска подлокотниками от частого прикосновения огрубелых ладоней смотрителей разных поколений.

Том заметил, что корпусу барометра явно не повредит шлифовка, но тут он увидел весьма неожиданные предметы возле разложенных на столе морских карт. Это был моток шерсти с незаконченным шарфом и воткнутыми в него вязальными спицами.

– Старика Докерти, – пояснил Уитниш, кивая.

Том знал, что смотрители часто находят себе какое-нибудь занятие, помогающее скоротать время на дежурстве: вырезают по кости или раковинам, делают шахматные фигуры, вяжут.

Уитниш показал Тому вахтенные журналы и куда заносить данные о погоде, а потом повел в световую камеру уровнем выше. Она была полностью застеклена, и стенами служили только раскладки для остекления, державшие прозрачные панели. Снаружи световую камеру опоясывала металлическая галерея. От нее ненадежная с виду лесенка поднималась наверх и упиралась в узкий мостик, который венчался флюгером.

– Потрясающе! – искренне восхитился Том, охватывая взглядом гигантские – намного выше его – линзы на вращающемся пьедестале. Сияющая конструкция, похожая на хрустальный улей, была истинным сердцем Януса – светлым, чистым и молчаливым.

Губы старого смотрителя тронула едва заметная улыбка.

– Я знаю этот маяк с детства. Он и в самом деле красив!

* * *

На следующее утро Ральф прощался, стоя на пирсе.

– Что ж, нам пора в обратный путь. Привезти тебе в следующий раз газеты?

– За три месяца все новости устареют. Лучше я сэкономлю и куплю хорошую книгу, – ответил Том.

Ральф бросил прощальный взгляд на остров, будто хотел убедиться, что все в порядке.

– Ладно, тогда до встречи. Теперь уже пути назад нет, сынок.

– С этим не поспоришь, – согласился Том, удрученно хмыкая.

– Ты и сам не заметишь, как быстро пролетят три месяца. Если, конечно, не будешь об этом постоянно думать.

– Следи за маяком, и он тебя не подведет! – напутствовал Уитниш. – От тебя всего и нужно-то проявить терпение да здравомыслие.

– Постараюсь, – пообещал Том и повернулся к Блюи, готовому отдать причальный конец. – Увидимся через три месяца, Блюи?

– Обязательно!

Судно отошло, оставляя пенящийся след и с трудом преодолевая сопротивление встречного ветра. Постепенно оно становилось все меньше и меньше, пока окончательно не скрылось, будто вдавленное невидимым пальцем в серый горизонт.

Потом вдруг все замерло. Нет, это не наступила тишина – волны по-прежнему с ревом разбивались о скалы, в ушах свистел ветер и раздраженно стучала о косяк незапертая дверь в одной из подсобок.

Но в душе Том впервые за долгие годы ощутил покой.

Он подошел к краю обрыва и остановился. Звякнул колокольчик на шее у козы, закудахтали две курицы. И неожиданно эти самые обычные звуки обрели новый смысл: их источником были живые существа. Том преодолел сто восемьдесят четыре ступеньки до световой камеры и открыл дверь на галерею. Ветер обрушился на него с бешеной силой, вдавливая обратно в дверной проем, и Том, покачнувшись, с усилием шагнул вперед и вцепился в металлический поручень. С высоты в шестьсот футов вид на разбивающиеся о скалы волны оказывал гипнотическое воздействие. Белая пена, похожая на молоко, иногда расступалась, обнажая темную морскую пучину. С другой стороны острова цепь огромных валунов служила волнорезом, за которым водная гладь была спокойной и ровной. Том ощутил странное чувство, будто он парит в воздухе, но при этом остается на земле. Он медленно обогнул по узкой галерее всю башню маяка, впитывая величие открывшегося его взору вида. Казалось, его легким никогда не удастся набрать достаточно воздуха, взгляд никогда не сможет охватить безбрежные просторы, а слух – воспринять всю гамму звуков ревущего внизу океана. На мгновение он перестал себя ощущать.

Том сморгнул и встряхнул головой, прогоняя наваждение. Чтобы прийти в себя, он прислушался к сердцебиению, ощутил на ногах ботинки и железный настил галереи под собой. Выпрямившись в полный рост, он заметил разболтавшуюся петлю на двери, сосредоточил на ней внимание и решил начать именно с нее. Спасение было в работе. Нужно постоянно быть занятым чем-то очень практичным и приземленным, потому что иначе душа или разум могут взмыть, как воздушный шар, и улететь в неизвестность. Именно это помогло ему пережить четыре кровавых и безумных года: всегда знать, где лежит винтовка, даже если задремал в окопе на десять минут; постоянно держать наготове противогаз; убедиться, что подчиненные точно поняли отданный приказ. На войне человек не думает о том, что будет через несколько месяцев или лет. На войне человек живет одним часом, может, иногда следующим. Все остальное не важно.

Том поднял бинокль и осмотрел остров: ему нужно увидеть коз, овец и сосчитать их. Всегда заниматься чем-то практическим. Натирать до блеска латунные детали, постоянно протирать стекла световой камеры маяка: сначала внешние, потом самих призм. Смазывать все трущиеся узлы, чтобы шестеренки ходили плавно, проверять уровень ртути для уменьшения трения линз. Он составлял список дел, будто мысленно вырубал ступеньки, по которым мог выбраться в мир, где останется самим собой.

В ту ночь он включил маяк с тщанием и осторожностью жреца, зажигавшего свет на Александрийском маяке тысячи лет назад. Он поднялся по миниатюрной металлической лестнице, которая вела к платформе вокруг светового устройства, и забрался внутрь. Заправив мазутом топливный бак, он зажег под ним огонь, чтобы разогретые пары поднялись до калильной сетки газового фонаря. Потом поднес к сетке горящую спичку, и пары превратились в яркий свет. Спустившись вниз, Том завел двигатель. Все устройство пришло в движение и начало вращаться, выдавая через равные интервалы вспышки света продолжительностью в пять секунд. Том взял ручку и записал в большом журнале в кожаном переплете: «Включил в 17.05. Ветер порывистый, сев./сев. – зап. 15 узлов. Пасмурно. Волнение на море 6 баллов». Затем добавил свои инициалы: «Т.Ш.» Эти строчки появились в книге через несколько часов после последней записи Уитниша, а его отметки – через несколько часов после последней записи Докерти. Том стал звеном непрерывной цепочки смотрителей, охранявших свет.

Удостоверившись, что все в порядке, Том вернулся в дом. От усталости ему смертельно хотелось спать, но он понимал, что без еды не сможет работать. В кладовке возле кухни батареи мясных консервов, банок с горошком и консервированными грушами соседствовали на полках вперемежку с сардинами, сахаром и огромной банкой мятных конфет, которые обожала покойная миссис Докерти. Первый ужин Тома состоял из большого ломтя испеченной в золе пресной лепешки, оставшейся после Уитниша, куска сыра и сморщенного яблока.

На кухонном столе пламя на фитиле масляной лампы время от времени подергивалось. Под рокот разбивающихся о скалы волн ветер продолжал свою нескончаемую войну с окнами. Том с содроганием подумал, что в радиусе почти ста миль никаких людей, кроме него, не было. На скалах находили приют чайки, умудряясь устроить там гнезда в тихих водах, защищенных рифами, чувствовали себя в безопасности стаи рыб. Все живые существа нуждались в убежище.

Том отнес лампу в спальню. На стене заплясала огромная плоская тень, повторяя все его движения, пока он стягивал ботинки и раздевался. Волосы пропитались солью и стали жесткими, а кожа огрубела от ветра. Откинув одеяло, он залез в кровать и провалился в сон под мерный рокот волн и завывание ветра. А маяк всю ночь нес караул, разрезая ночную мглу похожим на меч лучом.

Глава 4

Каждое утро на рассвете Том выключал маяк и отправлялся обследовать очередной участок своих новых владений, после чего приступал к повседневным делам.

Северную часть острова занимал высокий гранитный утес, стойко встречавший полчища волн, насылаемых никогда не знающим покоя океаном. К югу поверхность острова полого спускалась и плавно переходила в воду, где образовывала мелкую лагуну. Возле маленького пляжа было установлено водяное колесо, подававшее наверх к дому пресную воду из родника. Каким-то необъяснимым образом пресная вода по естественным каналам в океанском дне

проникала сюда и даже дальше с самого материка и выходила на поверхность родниками. Когда в восемнадцатом веке это явление описали французы, все сочли его выдумкой. Однако даже в открытом океане встречались места, где вода почему-то была пресной – поистине настоящее чудо, которое демонстрировала природа.

Постепенно жизнь вошла в определенное русло, и дни потекли по заведенному порядку. Регламент предписывал каждое воскресенье поднимать флаг, и Том начинал выходной день именно с этого. Флаг полагалось поднимать и в случае прохождения мимо маяка военного корабля, что Том выполнял с удовольствием. Он знал, что немало смотрителей считали подобное салютование излишним и исполняли предписание без всякого энтузиазма, но для него эта процедура была наполнена особым смыслом. Только цивилизация могла позволить себе роскошь делать нечто, лишенное какого бы то ни было практического смысла.

Том занимался приведением в порядок всего и вся, что пришло в запустение из-за проблем со здоровьем у Тримбла Докерти. Самым важным участком, конечно, был маяк. Нужно следить, чтобы раскладки по стеклу были всегда надежно замазаны шпаклевкой. Перекосившийся от непогоды ящик письменного стола Том выровнял, а трещинки аккуратно зашкурил. Он закрасил зеленой краской облупившиеся или стертые места на ступеньках – бригада маляров приедет красить всю станцию заново еще очень и очень не скоро.

Маячный излучатель сверкал как новенький: стекла прозрачные, латунь начищена, линзы на плавающей поверхности ртути вращались легко, будто чайки, парящие на воздушном потоке. Время от времени Том спускался к скалам, где ловил рыбу или прогуливался к песочному пляжу лагуны. Он подружился с парой черных ящериц, живущих в сарае для дров, и иногда подкармливал их остатками пищи. Запасы еды Том расходовал рационально – он сможет их пополнить только через несколько месяцев, когда приедет катер.

Работа смотрителей тяжела и отнимает много сил. В отличие от моряков, у них нет профсоюза, и они не устраивают забастовок, требуя повысить зарплату или улучшить условия труда. Их дни заполнены заботами, они могут заболеть, их тревожит надвигающийся шторм и расстраивает град, побивший на огороде весь урожай. Но они знают, зачем там находятся и в чем заключается смысл их жизни. Маяк должен светить, несмотря ни на что. Только и всего.

Раскрасневшееся, как у Санта-Клауса, усатое лицо растянулось в широкой улыбке.

– Как дела, Том Шербурн? Жизнь продолжается? – Не дожидаясь ответа, Ральф бросил ему толстый канат, чтобы обмотать вокруг швартовой тумбы.

После трех месяцев одиночества Том показался шкиперу вполне здоровым и ничем не отличался от других смотрителей.

Том ждал катер, чтобы пополнить запасы всего необходимого для работы на маяке, и даже не думал о продовольствии. Он напрочь забыл о существовании почты и сильно удивился, когда в конце дня Ральф вручил ему несколько конвертов.

– Чуть было не забыл, – извиняющимся тоном пояснил он.

Одно письмо было из Маячной службы, официально подтверждавшее его назначение и условия найма. Второе письмо было из Министерства по делам ветеранов, в котором говорилось о льготах фронтовикам, в том числе пенсиях по инвалидности и возможности получить ссуду на открытие своего дела. Ни то ни другое к нему не относилось. Письмо из «Банка Содружества» уведомляло, что на его вклад в пятьсот фунтов начислено четыре процента дохода. Последним Том вскрыл письмо, подписанное от руки. Он не мог представить, от кого оно может быть, и боялся, что некий доброхот решил сообщить ему новости об отце или брате. В письме говорилось:

Дорогой Том!

Я решила написать, чтобы убедиться, что тебя не сдуло ветром в море и не приключилось чего-нибудь еще в этом роде. И что отсутствие дорог не очень сильно осложняет твою жизнь…

Том, не удержавшись, перевел взгляд на подпись: «С наилучшими пожеланиями, Изабель Грейсмарк».

В письме выражалась надежда, что ему там не очень одиноко, и приглашение обязательно зайти, когда закончится командировка. Изабель украсила письмо маленьким рисунком, изображавшим смотрителя, беззаботно облокотившегося на маяк, а позади него из морской пучины вылезал огромный кит с разинутой пастью. Для большей ясности Изабель подписала иллюстрацию: «Постарайся до возвращения не стать его обедом».

Том невольно улыбнулся забавной непосредственности рисунка. Почему-то от письма в руке на душе стало теплее.

– Можешь немного подождать? – спросил он у Ральфа, собиравшего вещи к отплытию.

Он сел за письменный стол, достал бумагу и ручку, но вдруг сообразил, что не знает, о чем писать. Ему хотелось, чтобы она просто улыбнулась.

Дорогая Изабель!

К счастью, меня не сдуло ветром и не унесло (еще дальше) в море. Китов я видел много раз, но ни один из них не попытался меня проглотить – наверное, я не такой вкусный.

У меня все в порядке, и с отсутствием дорог справляться пока удается. Полагаю, ты по-прежнему кормишь птиц и они не голодают. Через три месяца я возвращаюсь в Партагез, а куда меня отправят потом – одному Богу известно. Я надеюсь, что тогда мы и увидимся.

Как же подписать?

– Заканчиваешь? – поинтересовался Ральф.

– Заканчиваю, – подтвердил смотритель и подписал: «Том». После чего заклеил конверт, написал адрес и передал шкиперу. – Можешь бросить в почтовый ящик?

Ральф посмотрел на адрес и подмигнул:

– Доставлю лично. Я все равно буду на той улице.

Глава 5

По истечении шести месяцев Тому неожиданно снова пришлось воспользоваться гостеприимством миссис Мьюитт: вакансия смотрителя маяка на острове Янус перестала быть временной. Тримбл Докерти не только не поправил свое пошатнувшееся душевное здоровье, но окончательно лишился рассудка и бросился с высокого утеса в Албани. Судя по всему, он полагал, что прыгает в лодку, в которой сидела его обожаемая жена. Тома отозвали на континент, чтобы предложить занять вакансию, заполнить нужные бумаги и дать ему немного отдохнуть перед возвращением обратно. К этому времени он уже настолько хорошо себя зарекомендовал, что начальство во Фримантле даже и не рассматривало другой кандидатуры.

– Переоценить значение хорошей жены просто невозможно, – заметил капитан Хэзлак, когда беседа в его кабинете подошла к концу. – Мойра Докерти прожила со стариком Тримблом так долго, что могла сама управляться с маяком. Быть женой смотрителя могут только особенные женщины. Если встретишь такую, постарайся не упустить. Но и излишняя спешка тут тоже неуместна…

Возвращаясь в пансион миссис Мьюитт, Том размышлял о том, что после Докерти на маяке осталось его вязанье и нетронутая банка с конфетами его жены. Людей уже нет, а их след остался. И еще Том подумал, как же сильно, должно быть, страдал Тримбл, потеряв жену. И рассудка его лишила боль утраты, а вовсе не ужасы войны.

Через два дня после возвращения в Партагез Том сидел в гостиной Грейсмарков, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Родители оберегали свою дочь как зеницу ока, ни на секунду не упуская ее из внимания. Том изо всех сил пытался найти какие-то общие темы для разговора, и беседа вертелась вокруг погоды, вечно дувшего ветра и кузенов Грейсмарков в других городах Западной Австралии. Том был рад, что ему без труда удавалось избегать расспросов о себе. Провожая его до калитки, Изабель спросила:

– Когда ты возвращаешься обратно?

– Через две недели.

– Тогда нам надо успеть как можно больше, – безапелляционно заявила она, будто подводя итог после долгой дискуссии.

– Уверена? – спросил Том, не зная, как на это следует отреагировать. У него было такое чувство, что решения принимались за него.

– Уверена! – подтвердила она и улыбнулась. Луч света скользнул по ее глазам, и Тому показалось, что он заглянул ей прямо в душу, где были только чистота и открытость, которые так ему нравились. – Приходи к нам завтра. А я приготовлю что-нибудь для пикника. Мы устроим его у бухты.

– А разве сначала я не должен получить разрешение у твоего отца? Или матери? – Том оценивающе наклонил голову. – Извини за нескромный вопрос. А сколько тебе лет?

– Для пикника вполне достаточно.

– А в обычных цифрах это сколько?

– Девятнадцать. Почти. Так что родителей я предупрежу сама, – заверила она и, помахав на прощание рукой, побежала к дому.

Том вернулся в пансион миссис Мьюитт в приподнятом настроении. Причины он и сам не понимал. Он совсем не знал эту девушку, за исключением двух вещей: она много улыбалась и с ней было легко.

На следующий день он подходил к дому Грейсмарков не столько нервничая, сколько удивляясь, что возвращается сюда так скоро.

Дверь открыла миссис Грейсмарк и улыбнулась.

– Приятно, что вы такой пунктуальный, – сказала она, будто ставя галочку в одном ей ведомом списке.

– Армейская привычка… – пояснил Том.

Изабель появилась с корзинкой для пикника, которую вручила ему.

– Тебе поручается доставить все в сохранности, – сказала она и повернулась поцеловать мать в щеку. – Пока, мам. До встречи.

– Постарайся держаться в тени. Веснушки тебе совсем ни к чему, – напутствовала она дочь и строго посмотрела на Тома. – Желаю хорошо провести время. И возвращайтесь не поздно.

– Спасибо, миссис Грейсмарк. Обязательно.

Изабель показывала дорогу, и, пройдя несколько улиц, они оказались на берегу океана.

– А куда мы направляемся? – поинтересовался Том.

– Это сюрприз!

Они прошли по разбитой дороге, которая вела на мыс, окруженный густой порослью невысоких деревьев. Они совсем не были похожи на тех гигантов, что в изобилии встречались в лесу, который начинался примерно в миле от мыса, и отличались удивительной прочностью, позволявшей противостоять пропитанному солью порывистому ветру.

– Путь не очень близкий. Осилишь? – спросила она.

– Думаю, трость мне пока не понадобится, – засмеялся Том.

– Просто я подумала, что на острове ходить далеко не приходится, разве не так?

– Поверь, подниматься и спускаться по ступенькам маяка по нескольку раз в день не так-то просто, и это обеспечивает хорошую физическую форму. – Он никак не мог привыкнуть к тому, как легко этой девушке удавалось перехватить инициативу.

По мере продвижения деревья росли все реже и рокот океана приближался.

– Наверное, после Сиднея Партагез кажется захудалым и скучным, – предположила Изабель.

– Я провел здесь слишком мало времени, чтобы судить.

– Может быть. А Сидней наверняка огромный, шумный и чудесный. Настоящий город!

– По сравнению с Лондоном – просто деревня.

Изабель смутилась.

– Ой, а я и не знала, что ты там был! Лондон – это действительно настоящий город! Может, когда-нибудь я туда съезжу.

– Мне кажется, здесь лучше. Каждый раз, когда я оказывался в Лондоне по увольнительной, там было пасмурно и мрачно. По мне, Партагез точно лучше.

– Мы подходим к самому красивому месту. Во всяком случае, я так считаю.

Между деревьями показался уходивший далеко в океан перешеек – голая скалистая полоска земли шириной в несколько сот ярдов, омываемая волнами с обеих сторон.

– А вот это и есть тот мыс, от которого и появилось название Пойнт-Партагез, – сообщила Изабель. – Мое любимое место вон там, где большие скалы.

Они прошли еще немного вперед.

– Оставь корзину здесь и ступай за мной, – сказала она и, не дожидаясь ответа, сбросила туфли и побежала к огромным валунам, лежавшим в воде.

Том догнал ее у самого края обрыва. Валуны образовывали круг, внутри которого волны пенились и растворялись в водовороте. Изабель легла на землю и склонила голову.

– Послушай, – сказала она. – Послушай, как шумят волны. Совсем как в пещере или в соборе.

Том наклонился вперед.

– Нужно обязательно лечь, – повторила она.

– Чтобы лучше слышать?

– Нет, чтобы не смыло волной. Здесь расщелина, и можно не заметить, как подойдет большая волна, и ты запросто можешь оказаться внизу прямо на камнях.

Том лег рядом. Звук ревущих и разбивающихся волн разносился по расщелине эхом.

– Похоже на Янус.

– А как там? Об острове рассказывают разное, но, кроме смотрителя и команды катера, там, по сути, никто не бывает. И еще год назад туда ездил доктор, когда целый пароход поместили на карантин из-за брюшного тифа.

– Остров… он ни на что не похож. Он сам по себе.

– Говорят, что он суровый. Из-за погоды.

– Всякое бывает.

Изабель поднялась.

– А тебе там не одиноко?

– Нет, там всегда много работы. Починить что-то или проверить.

Она наклонила голову, явно сомневаясь, но промолчала.

– А тебе там нравится?

– Да.

Изабель рассмеялась.

– Болтуном тебя точно не назовешь!

Том поднялся.

– Проголодалась? Время уже обеденное.

Он подал Изабель руку и помог встать. Ее маленькая ладошка была вся в песке, а рука оказалась удивительно мягкой и нежной.

Изабель угостила его бутербродами с ростбифом, имбирным пивом, а на десерт – фруктовым кексом и яблоками.

– А ты пишешь всем смотрителям, которые отправляются на Янус? – спросил Том.

– Всем! Вообще-то их не так много, – ответила Изабель. – Ты – первый новичок за многие-многие годы.

Поколебавшись, Том решился задать новый вопрос:

– А почему ты мне написала?

Она улыбнулась и отпила глоток имбирного пива.

– Думаешь, потому что с тобой весело кормить чаек? Или от нечего делать? Или потому что никогда раньше не отправляла писем на маяк? – Она смахнула со лба прядь волос и посмотрела на воду. – А тебе бы хотелось, чтобы я не писала?

– Ну… я не… в смысле… – Том вытер салфеткой руки. Просто удивительно, как легко ей удается выбить его из равновесия. Раньше за ним такого не наблюдалось.

В один из самых последних дней 1920 года Том и Изабель сидели на дальнем краю пристани. Легкий ветерок, гнавший рябь по воде, наигрывал одному ему ведомую мелодию, постукивая по бортам баркасов тихими всплесками волн и раскачивая снасти на мачтах. В воде отражались огни гавани, а в небе светились россыпи звезд.

– Но я хочу знать все-все! – решительно заявила Изабель, болтая босыми ногами над водой. – И ни за что не поверю, что «больше рассказывать нечего». – Ей с неимоверным трудом удалось вытащить из него признание, что после частной школы он поступил в Сиднейский университет, где выучился на инженера. – Я могу тебе рассказать про себя кучу всего! Например, про бабушку и как она учила меня играть на пианино. Или что я помню о дедушке, хотя он умер, когда я была совсем маленькой. Или каково в нашем городе быть дочерью директора школы. Я могу рассказать тебе о своих братьях Хью и Элфи и как мы плавали на ялике и ловили рыбу в реке. – Она посмотрела на воду. – Я иногда скучаю по тем временам. – Намотав на палец локон, она задумалась и наконец сформулировала: – Это… как огромная галактика, которая ждет своего открытия. А я хочу открыть твою.

– Что ты еще хочешь знать?

– Ну, скажем, про твоих родных.

– У меня есть брат.

– А имя мне позволительно узнать? Или ты его забыл?

– Нет, не забыл. Сесил.

– А родители?

Том перевел взгляд на фонарь, горевший на мачте.

– Что – родители?

Изабель повернулась и заглянула ему в глаза.

– Интересно, что у тебя на душе?

– Моя мать умерла. А с отцом я не общаюсь.

С ее плеча соскользнула шаль, и Том поправил ее.

– Не замерзла? Может, проводить тебя домой?

– Почему ты не хочешь об этом разговаривать?

– Если для тебя это так важно, я, конечно, расскажу, но мне бы не хотелось. Иногда прошлое лучше не ворошить.

– Но семья не может оказаться в прошлом. Она всегда незримо присутствует рядом.

– Тем хуже.

Изабель выпрямилась.

– Ладно, не важно. Пора идти. Родители, наверное, волнуются, куда мы запропастились, – сказала она, и они неторопливо двинулись в обратный путь.

Той же ночью Том, лежа в постели, вспоминал свое детство, о котором так хотела узнать Изабель. Он никогда и ни с кем о нем не разговаривал. Бывает, что сломанный зуб дает о себе знать, только если его острого края случайно коснется язык. Так же и с этими воспоминаниями. В памяти всплыла картина,

как в восьмилетнем возрасте он дергал отца за рукав и плакал: «Пожалуйста! Пусть она вернется! Ну, пожалуйста, папа! Я так ее люблю!» А отец лишь раздраженно стряхнул руку. «Никогда больше о ней не говори! Слышишь? Никогда!»

Когда отец вышел из комнаты, Сесил, который был старше Тома на пять лет и намного выше, дал ему подзатыльник. «Я же предупреждал тебя, дурак! Говорил, что не надо!» И с этими словами тоже ушел, оставив маленького мальчика одного посреди гостиной. Том достал из кармана кружевной носовой платок, пропитанный духами матери, и приложил к щеке, стараясь не запачкать слезами. Ему хотелось просто ощутить прикосновение чего-то родного и такого нужного.

Том вспомнил пустой дом и поселившуюся в комнатах тишину, не похожую на ту, что была раньше. Вспомнил сверкающую чистотой кухню, пропахшую карболкой благодаря неустанным стараниям сменявших друг друга домработниц. И ненавистный аромат стирального порошка, уничтожившего родной запах матери, когда домработница выстирала и накрахмалила платок, который случайно нашла у него в кармане шорт. Он облазил весь дом, обшарил все закоулки, пытаясь найти хоть что-нибудь, сохранившее частичку ее тепла и присутствия. Но даже в спальне пахло только полиролью и нафталином, как будто специально пытались стереть все следы ее пребывания. Стереть саму память о ней.

Изабель предприняла новую попытку расспросить Тома о семье, когда они сидели в чайной.

– Я ничего не скрываю, – ответил Том. – Просто ворошить прошлое – глупое занятие.

– А с моей стороны это не праздное любопытство. Ты же прожил целую жизнь, а я ничего про тебя не знаю! Я просто хочу понять тебя. – Она помолчала, а потом тактично поинтересовалась: – Если мне непозволительно говорить о прошлом, то о будущем-то можно?

– О будущем вообще нельзя рассуждать серьезно, если на то пошло. Мы можем говорить только о своих желаниях и устремлениях. А это не одно и то же.

– Согласна. И чего же хочешь ты?

Том ответил не сразу.

– Наверное, просто жить. Меня это вполне устроит. – Он глубоко вздохнул и повернулся к ней. – А ты?

– А я мечтаю о многих вещах, причем обо всех сразу! – воскликнула она. – Хочу, чтобы была хорошая погода, когда мы пойдем на пикник воскресной школы. Мечтаю – только не смейся! – чтобы у меня был хороший муж и много детей. Чтобы когда-нибудь в окно нечаянно угодил мяч и разбил стекло, а из кухни доносился вкусный запах готовящейся подливы. Девочки будут петь рождественские песенки, а мальчишки – гонять в футбол… Не могу представить, как можно жить без детей. А ты можешь? – Она помолчала. – Но это все в будущем. Не хочу быть, как Сара.

– Как кто?

– Моя подруга Сара Портер. Раньше она жила на нашей улице. Мы вместе играли в дочки-матери. Сара была чуть старше и всегда оказывалась матерью. А потом… – нахмурилась она, – в шестнадцать лет она оказалась в интересном положении. Родители отправили ее рожать в Перт, подальше от любопытных глаз. И заставили сдать малыша в сиротский приют. Они заверили, что его обязательно усыновят, но у малютки оказалась врожденная косолапость.

Потом она вышла замуж, и о ребенке все забыли. И вот однажды она попросила меня съездить с ней в Перт и тайно посетить приют. Он находился совсем рядом с настоящим домом для умалишенных. Господи, Том, ты даже не представляешь, что это за зрелище – толпа лишенных матери детишек! Они никому не нужны, и никто их не любит! Мужу Сара не могла признаться – он бы выгнал ее в ту же минуту. Он и сейчас ни о чем не догадывается. Ее ребенок был там, и она могла только на него посмотреть. Удивительно, но от слез не могла удержаться я, а не она. Одного взгляда на их несчастные маленькие лица было достаточно! Отправить детей в приют – это все равно что сразу в ад!

– Ребенку обязательно нужна мать, – сказал Том, думая в своем.

– Сара сейчас живет в Сиднее, – продолжала Изабель. – И больше мы с ней не виделись.

Эти две недели Том и Изабель виделись каждый день. Когда Билл Грейсмарк решил, что это выходит «за рамки приличий», и сказал об этом жене, она ответила:

– Ну что ты, Билл! Жизнь так коротка! Она умная девочка и знает, что делает. К тому же ты отлично понимаешь, как трудно в наши дни найти парня, который был бы нормальным и не инвалидом. Так что не привередничай…

Партагез был городом маленьким, и она не сомневалась, что при малейшем намеке на нечто предосудительное ей немедленно доложат.

Том искренне себе удивлялся, с каким нетерпением он ждал встреч с Изабель. Ей удалось преодолеть воздвигнутую им стену между собой и окружающим миром. Ему нравились ее рассказы о жизни города и его истории. О том, что французы, выбирая название для селения на стыке двух океанов, остановились на слове «partageuse», потому что в переводе оно означало «охотно делящийся с другими» и еще «добрый, не жадный». Она рассказывала, как в детстве упала с дерева и сломала руку, как вместе с братьями нарисовала на козе миссис Мьюитт красные пятна и сказала ей, что та заболела корью. И еще, понизив голос и с долгими паузами, поведала, как братья погибли в битве при Сомме и как тяжело родители это переживали.

Том вел себя достойно. Партагез был маленьким городом, а Изабель еще совсем юная. Вернувшись на маяк, он, возможно, больше никогда ее не увидит. Кое-кто на его месте наверняка воспользовался бы этим обстоятельством, но для Тома слово «честь» не было пустым звуком. Именно она помогла ему остаться собой и сохранить уважение к себе во время войны.

Изабель вряд ли смогла бы объяснить словами похожее на волнение новое чувство, которое охватывало ее каждый раз при виде Тома. В нем ощущалась некая таинственность, как будто за улыбкой он все время пытался скрыть, что его мысли постоянно витают где-то очень далеко. Ей хотелось достучаться до него. Война научила девушку ценить все, чем она дорожила: в этом мире нельзя

откладывать важные вещи на потом, ибо «потом» может так и не наступить. Жизнь может запросто отобрать то, что особенно дорого, а вернуть уже не получится. Изабель не желала упускать свое счастье. И тем более уступать его другим.

В последний вечер перед возвращением Тома на Янус они гуляли по пляжу. Несмотря на то что было самое начало января, Тому казалось, что с момента его появления в Партагезе прошло не шесть месяцев, а уже много лет.

Изабель смотрела на море – солнце спускалось с неба и погружалось в серые воды на самом краю земли.

– Я хотела попросить тебя кое о чем, Том, – сказала она.

– Давай. О чем?

– Ты мог бы меня поцеловать? – спросила она, не сбавляя шага.

Том решил, что из-за порыва ветра неправильно ее расслышал, тем более что она продолжала идти. Подумав, он пришел к выводу, что, наверное, она произнесла слово «тосковать».

– Конечно, я буду тосковать. Но ведь мы увидимся, когда я приеду в следующий раз?

Перехватив ее удивленный взгляд, он засомневался. Даже в сгущавшихся сумерках было видно, как сильно она покраснела.

– Я… извини, Изабель. Я не очень-то силен в словах… в таких ситуациях.

– Каких ситуациях? – пролепетала она, раздавленная неожиданной догадкой. Ну конечно! У него наверняка в каждом порту есть девчонка!

– Ну… при прощании. Понимаешь, я привык к одиночеству. Но и общество людей меня не тяготит. Просто трудно с одного переключаться на другое.

– Тогда я все для тебя упрощу. Я просто уйду! Прямо сейчас! – Она резко развернулась и зашагала обратно.

– Изабель! Изабель, подожди! – Он догнал ее и взял за руку. – Я не хочу, чтобы ты уходила. Уходила вот так! Да, признаюсь, я буду по тебе тосковать! Ты… мне с тобой хорошо!

– Тогда отвези меня на Янус!

– Что? Ты хочешь посмотреть на остров?

– Нет! Я хочу там жить!

Том засмеялся:

– Господи, ну и шутки!

– Я не шучу!

– Ты не можешь говорить серьезно, – не поверил Том, но что-то ему подсказывало, что она не шутит.

– Это почему?

– По тысяче причин, которые с ходу приходят в голову. Хотя бы потому, что на Янусе может находиться только жена смотрителя.

Она промолчала, и он для пущей убедительности кивнул головой.

– Так женись на мне!

Он сморгнул.

– Изз… да мы едва знакомы! Кроме того, мы даже ни разу не поцеловались, раз уж на то пошло!

– Наконец-то! – воскликнула она, будто решение было очевидным и не вызывало сомнений. Потом встала на цыпочки и наклонила его голову к себе. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, она поцеловала его. Неловко, но страстно. Он отстранился.

– Ты играешь в опасные игры, Изабель. Не следует целовать первого встречного. Если, конечно, ты не собираешься за него замуж.

– А если собираюсь?!

Том посмотрел на нее и увидел, что маленький подбородок упрямо вздернут, а в глазах читался вызов. Если он переступит черту, то кто знает, чем все закончится? К черту! К черту выдержку! К черту благопристойность! Перед ним стоит чудесная девушка, которая умоляет себя поцеловать. Солнце село, отпуск закончился, и завтра в это время он окажется затерянным в бескрайних просторах океана.

Он наклонился и заглянул ей в глаза.

– Это делается вот так, – сказал он и нежно поцеловал ее. Время остановилось, и еще ни разу в жизни поцелуй не казался ему таким сладким.

Потом он отступил и смахнул с ее лба прядь волос.

– Давай я отведу тебя домой, пока нас не объявили в розыск.

Он обнял ее за плечо, и они медленно побрели по песку.

– Я не шутила насчет замужества, Том.

– Изз, у тебя, наверное, не все в порядке с головой, если ты хочешь за меня замуж. Работая смотрителем, я точно не разбогатею. И быть женой смотрителя – совсем не подарок судьбы.

– Я знаю, чего хочу, Том.

Он остановился.

– Послушай, Изабель, я не хочу показаться занудой, но ты… ты намного моложе меня! В этом году мне стукнет двадцать восемь. И, насколько я понимаю, твой опыт общения с парнями не очень-то богат. – Судя по ее поцелую, он был готов держать пари, что этот опыт отсутствовал вообще.

– И что с того?

– Просто увлечение легко принять за настоящее чувство. Подумай об этом. Готов поспорить на что угодно, что через год ты и не вспомнишь обо мне.

– Посмотрим, – ответила она и потянулась за поцелуем.

Глава 6

В ясные летние дни казалось, что Янус тянется из воды на цыпочках. Остров вообще всегда выглядел по-разному, например, низким или высоким, причем не только из-за приливов и отливов. Во время ливней с ураганами он становился совсем неразличимым, растворяясь в воздухе, как персонаж древнегреческих мифов. Или оказывался в облаке морского тумана, насыщенного тяжелыми кристаллами соли, поглощавшими свет. При лесных пожарах на материке насыщенный гарью дым мог добраться до острова, и тогда частички золы в воздухе окрашивали закаты в пурпур и золото и покрывали копотью линзы светового устройства. Вот почему на острове требовался самый сильный и яркий маяк.

С галереи открывался вид на целых сорок миль. У Тома до сих пор не укладывалось в голове, как в одной и той же жизни могут одновременно существовать и такие бескрайние просторы, и крошечные участки земли, за которые всего пару лет назад проливалось столько крови. И все для того, чтобы отбить у врага и назвать «своим» участок всего в несколько ярдов, а на следующий день снова его потерять. Наверное, той же одержимостью к обозначению объяснялось и решение картографов разделить единую водную массу на два океана, хотя определить, где их течения расходятся, не представлялось возможным. Деление. Обозначение. Поиски отличий. Какие-то вещи никогда не меняются.

Разговаривать на Янусе было не с кем и незачем. Том мог месяцами не слышать собственного голоса. Он знал, что некоторые смотрители нарочно пели песни: так обычно включали двигатели, чтобы убедиться, что они по-прежнему в рабочем состоянии. Но Тому нравилась тишина. Он слушал ветер. И замечал малейшие перемены в жизни острова.

Иногда бриз приносил воспоминания о поцелуе Изабель: нежности ее кожи и податливости тела. И он думал о том времени, когда все это казалось невозможным. Сам факт ее существования действовал на него очищающе. А мысли уносили обратно в темное прошлое, наполненное кровавым месивом из тел и вывернутых конечностей. Найти в этом смысл – задача не из легких. Присутствовать при смерти и не оказаться раздавленным под ее тяжестью. Почему он до сих пор жив, непонятно и не поддавалось объяснению. И вдруг Том заметил, что по щекам текут слезы. Он плакал по тем, кого рядом поглотила смерть, а к нему интереса не проявила. Он плакал по тем, кого лишил жизни сам.

На маяке надо отчитываться за каждый прожитый день. В журнал записывались все события, и это подтверждало, что жизнь продолжается. Со временем призраки прошлого постепенно растворились в чистом воздухе уединенного острова, и Том отваживался перенестись мыслями в будущее, чего не мог себе позволить долгие годы. И в этом будущем была Изабель, такая неунывающая, искренняя и жадная до жизни. Он направился в сарай, а в ушах звучали слова капитана Хэзлака. Том нашел корень эвкалипта и отнес в мастерскую.

Янус

15 марта 1921 года

Дорогая Изабель!

Надеюсь, у тебя все хорошо. У меня тоже все в порядке. Мне здесь нравится. Наверное, это странно, но так оно и есть. Тишина мне очень по душе. В Янусе есть что-то волшебное. Таких мест я никогда раньше не встречал.

Жаль, что ты не можешь увидеть, какие красивые здесь закаты и восходы. А звезды! На небе ночью становится от них так тесно, что оно начинает напоминать циферблат, на котором по кругу ходят созвездия. И знать, что они обязательно появятся, очень успокаивает, особенно если день выдался трудным и что-то не ладится. Во Франции мне это тоже помогало. Глядя на звезды, гораздо легче расставить все по своим местам, ведь они окружали Землю еще до появления на ней людей.

Они продолжают светить, что бы ни случилось. Мне кажется, что маяк – это осколок одной из звезд, упавший на землю. Он тоже светит, несмотря ни на что. Летом, зимой, в шторм и хорошую погоду. Люди могут на него положиться.

Ну, довольно болтать попусту. Посылаю тебе с письмом маленькую шкатулку, которую вырезал для тебя. Надеюсь, ты найдешь ей применение. В ней можно хранить украшения, заколки, вообще всякую мелочь.

Наверное, сейчас ты уже изменила мнение о том, что мы тогда обсуждали, и я хочу сказать, что все в порядке. Ты чудесная девушка, и я с удовольствием вспоминаю время, которое мы провели вместе.

Катер приходит завтра, и я передам шкатулку с Ральфом.

Том.

Янус

15 июня 1921 года

Дорогая Изабель!

Пишу второпях, поскольку ребята уже готовы отплыть. Ральф передал мне твое письмо. Спасибо, что прислала мне весточку. Рад, что шкатулка тебе понравилась.

Отдельное спасибо за фотографию. Ты на ней очень красивая, только не такая отчаянная, как в жизни. Я знаю, куда ее поставлю – на самом верху, у излучателя, чтобы ты могла смотреть в окно.

Нет, твой вопрос мне совсем не кажется странным. На войне я знал парней, которые успевали жениться за три дня увольнительной в Англии, а потом возвращались на фронт. Большинство из них думали, что долго все равно не проживут, наверное, их подруги тоже. Если повезет, я надеюсь протянуть дольше, так что подумай хорошенько и все взвесь. Я готов рискнуть, если ты согласишься. Я могу попросить внеочередной отпуск в конце декабря, так что у тебя будет время принять решение. Если ты передумаешь, я пойму. А если нет, обещаю, что всегда буду о тебе заботиться и очень постараюсь стать хорошим мужем.

С наилучшими пожеланиями,

Том.

Следующие шесть месяцев тянулись долго. Раньше ждать было нечего, и Том привык к мерному течению дней, сменявших один другой. Теперь была назначена дата свадьбы. Нужно было испросить разрешение на внеочередной отпуск и все подготовить. Каждый день он находил что-нибудь, требовавшее внимания: окно на кухне плохо закрывалось, кран был слишком тугим для женских рук. Что тут может понадобиться Изабель? С последним катером он заказал две банки краски, чтобы обновить стены, зеркало для туалетного столика, новые полотенца и скатерти, ноты для дряхлого пианино – сам он к нему не притрагивался, но знал, что Изабель любила играть. Поразмыслив, он добавил к списку новые простыни, две новые подушки и стеганое одеяло на гагачьем пуху.

Когда наконец прибыл катер, чтобы отвезти Тома на материк, на пристани показался Невилл Уитниш, которому предстояло его подменить.

– Все в порядке?

– Надеюсь, – ответил Том.

После короткой инспекции Уитниш одобрительно заметил:

– Ты умеешь обращаться с маяком. Отдаю должное.

– Спасибо, – поблагодарил Том, искренне тронутый похвалой.

– Готов, парень? – спросил Ральф перед самым отплытием.

– Одному Богу известно, – отозвался Том.

– Золотые слова! – Ральф бросил взгляд на горизонт. – Отплываем, мой друг, чтобы доставить капитана Шербурна, кавалера боевых наград, к даме его сердца.

Для Ральфа катер был таким же живым существом, как маяк – для Уитниша, причем существом родным. «Удивительно, что может вызывать любовь мужчин», – подумал Том и перевел взгляд на башню. Когда он увидит ее в следующий раз, его жизнь кардинально изменится. Ему вдруг стало не по себе. Полюбит ли Изабель остров так, как он? Сумеет ли она понять его мир?

Глава 7

– Смотри. Поскольку мы находимся намного выше уровня моря, видны сначала отблески света, а не сам луч маяка, который еще за горизонтом и скрыт за выпуклой поверхностью воды.

Том стоял позади Изабель на верхней галерее маяка: он обнимал жену, положив подбородок ей на плечо. Январское солнце играло золотыми бликами на ее темных волосах. Шел 1922 год, и это был их второй день пребывания на Янусе. Сразу после свадьбы они съездили на несколько дней в Перт, а потом отправились на остров.

– Как будто заглядываешь в будущее! – отозвалась Изабель. – Можно предупредить корабль об опасности еще до того, как она появится.

– Чем выше маяк и больше линзы, тем дальше он светит. Этот маяк один из самых мощных.

– Я никогда в жизни еще не забиралась так высоко! Как будто научилась летать! – сказала она и еще раз обошла башню по кругу. – А как, ты сказал, называются вспышки? Там было такое особое слово…

– Характер. У каждого прибрежного маяка свой характер. На нашем – четыре вспышки на каждое двадцать первое вращение. Поэтому по вспышкам на протяжении пяти секунд каждое судно узнает, что это Янус, а не Лювин, не Брейкси или еще какое место.

– А откуда же они могут знать?

– На каждом судне есть список маяков, которые лежат по их курсу. Для любого шкипера время – деньги. И они постоянно подвержены искушению срезать угол мыса, чтобы скорее разгрузить судно и взять на борт новый груз. К тому же чем меньше судно находится в море, тем больше экономия на жалованье морякам. Маяки стоят, чтобы предостеречь шкиперов от безрассудства и остудить горячие головы.

Через стекло Изабель видела тяжелые черные ставни световой камеры.

– А это зачем? – поинтересовалась она.

– Для защиты! Линзам все равно, какой яркости свет усиливать. Если они способны превратить маленький огонек в ослепительную вспышку, представь, что случится, если днем, когда они не вращаются, начнут усиливать солнечный свет! На расстоянии десяти миль – еще ладно, а вот если десяти дюймов – совсем другое дело! Поэтому надо принимать меры предосторожности, в том числе и для собственной безопасности. Без этих ставней я бы там днем изжарился заживо. Пошли, покажу, как все устроено.

Они вошли в световую камеру, и за ними гулко хлопнула железная дверь.

– Это линзы первого порядка, очень яркие.

Изабель зачарованно разглядывала переливающуюся радугу отраженных призмами лучей.

– Как же красиво!

– Толстое стекло в середине – это линза с рефлектором. На этом маяке четыре линзы, но их количество на разных маяках может отличаться. Источник света должен точно соответствовать высоте линз, чтобы те собрали свет в пучок.

– А эти круги из стекла вокруг линзы с рефлектором? – Линзу опоясывали стеклянные треугольники, похожие на кольца мишени.

– Первые восемь преломляют лучи, чтобы те уходили не на луну или вниз, где от них никакой пользы, а в море. Они как бы направляют лучи за угол. А вот кольца сверху и снизу металлического стрежня – видишь? Их четырнадцать, и по мере удаления от центра они становятся толще. Так вот, они отражают свет обратно, так что он собирается в один пучок, а не рассеивается в разных направлениях.

– Так что каждому лучу приходится отрабатывать свое существование, – подвела итог Изабель.

– Можно и так сказать. А вот и сам источник света, – продолжал Том, указывая на металлическую подставку, закрытую ячеистым кожухом в самом центре.

– На вид не очень впечатляет.

– Это сейчас. Но на самом деле это капильная сетка накаливания, где усиленный линзами свет от горения паров мазута светит так же ярко, как звезда. Я тебе покажу вечером.

– Наша собственная звезда! Как будто целый мир был создан специально для нас! С солнцем и океаном! А мы созданы друг для друга!

– Думаю, что в Маячной службе считают иначе. Что мы созданы для них.

– И никаких тебе соседей или родственников! – Она укусила его за мочку уха. – Только ты и я…

– И животные. На Янусе, к счастью, не водится змей. А на некоторых островах только они и живут. Есть пара пауков, которые могут укусить, так что бдительность лучше не терять. Еще… – Тому было трудно закончить знакомство с местной фауной, поскольку Изабель продолжала его целовать и нежно покусывать уши. Она залезла руками в карманы его брюк и шарила там, лишая его возможности не только говорить, но и вообще соображать. – Я говорю о серьезных вещах, Изз… – не сдавался он. – Нужно опасаться… – Он невольно застонал, почувствовав, что ее пальцы нащупали то, что искали.

– Меня! – хихикнула она. – Я самое опасное существо на этом острове!

– Не здесь, Изз. Не на маяке. Давай… – он с трудом перевел дыхание, – давай спустимся.

– Нет! Здесь! – засмеялась Изабель.

– Это государственная собственность!

– И что? Ты запишешь об этом в журнал?

Том неловко кашлянул.

– Технически… тут все очень хрупкое и стоит кучу денег, каких нам не заработать за всю жизнь. Мне бы не хотелось придумывать причину, как все сломалось. Давай лучше спустимся.

– А если я откажусь? – кокетливо спросила она.

– Тогда, похоже, у меня не остается выбора… – Он подхватил ее на руки и отнес вниз по сотням узких ступенек.

– Да здесь настоящий рай! – не в силах сдержать восторг, воскликнула Изабель, когда утром следующего дня увидела в окно гладкую поверхность бирюзового океана. Вопреки неутешительным предупреждениям Тома о превратностях погоды ветер объявил перемирие по случаю приезда новобрачных и солнце

радовало удивительным теплом.

Том отвел ее к лагуне – широкому бассейну тихой ультрамариновой воды глубиной не больше шести футов, где они искупались.

– Надеюсь, тебе здесь понравится. До отпуска на материке еще целых три года.

Она обняла его.

– Я там, где хочу быть. И с мужчиной, с которым хочу быть. А все остальное не имеет значения.

Том нежно кружил ее в воде.

– Иногда через трещины в скалах сюда заплывает рыба. Ее можно ловить сетью, а то и просто руками.

– А как называется эта лагуна?

– Никак.

– Все должно иметь свое название. Ты согласен?

– Ну, тогда назови сама.

Изабель на секунду задумалась.

– Нарекаю тебя Райской Лагуной! – Она плеснула пригоршней воды на скалы. – Это будет моим местом купания.

– Обычно здесь безопасно. Но все равно надо быть настороже. На всякий случай.

– Ты о чем? – рассеянно спросила Изабель, разгребая ладонями воду.

– Акулы здесь вряд ли появятся, разве что прилив окажется особенно высоким, или пройдет шторм, или еще что. Так что в этом плане, наверное, можно не

беспокоиться…

– Наверное?!

– Но расслабляться все равно нельзя. Взять хотя бы морских ежей. Смотри, когда наступаешь на камни под водой, – ты можешь наколоться и получить инфекцию. А электрические скаты зарываются в песок у самого края воды. Стоит наступить на шип у них на хвосте, и неприятностей не миновать. Если скат взмоет вверх и нанесет удар возле сердца… – Он замолчал, видя, как Изабель изменилась в лице. – С тобой все в порядке, Изз?

– Ты так просто об этом говоришь, а на помощь нам прийти некому.

Том заключил ее в объятия и увлек на берег.

– Я буду оберегать тебя, милая. Не волнуйся, – сказал он с улыбкой. Он поцеловал ее в плечи и опустил голову на песок, чтобы поцеловать в губы.

Помимо кучи теплых вещей на зиму Изабель привезла несколько платьев с цветочным рисунком, которые было легко стирать. В них она кормила кур, доила коз, занималась огородом и убиралась на кухне. Когда она сопровождала Тома в походах по острову, она надевала его старые брюки, закатывала штанины и накидывала одну из его рубашек без воротника, закрепляя все это сверху потертым кожаным ремнем. Ей нравилось чувствовать под ногами землю, и она ходила босиком и только в скалах надевала легкие парусиновые туфли на резиновой подошве, чтобы не поранить ноги. Она постигала свой новый мир и исследовала свои новые владения.

Однажды, вскоре после прибытия на остров, Изабель, опьяненная свободой, решила поэкспериментировать.

– Как тебе мой новый вид? – спросила она, появившись на маяке с сандвичами для Тома совершенно голой. – Мне кажется, в такой чудесный теплый день одежда не нужна.

Он приподнял бровь и улыбнулся:

– Мне нравится, но скоро тебе это надоест, Изз. – Он взял сандвич и ласково потрепал ее по подбородку. – Любимая, чтобы выжить на удаленных маяках и не одичать, нужно соблюдать определенные правила – есть в положенное время, переворачивать листки календаря… – он засмеялся, – и не забывать про шмотки. Поверь мне, милая.

Покраснев, она вернулась в дом и, облачившись в кофту, нижнюю юбку, платье, кардиган и сапожки выше щиколотки, отправилась копать картошку с излишней в такой жаркий день энергией.

– А у тебя есть карта острова? – спросила Изабель Тома.

– Боишься заблудиться? – улыбнулся он. – Ты уже здесь несколько недель. Если идти от берега в глубь острова, то обязательно доберешься до дома. Да и башня маяка – хороший ориентир.

– Мне нужна карта. Наверняка же она существует?

– Конечно! Есть подробная карта. Только я не понимаю, зачем она тебе. Тут же негде заблудиться!

– Сделай мне приятное, супруг мой! – сказала она и поцеловала его в щеку.

Некоторое время спустя Том появился на кухне со свернутой в рулон картой и церемонно вручил ее Изабель.

– Ваше желание для меня закон, миссис Шербурн.

– Благодарю вас, – в тон ему ответила Изабель. – Пока это все, можете быть свободны, сэр.

Том с озадаченной улыбкой потер подбородок.

– Что ты задумала?

– Не важно!

На протяжении нескольких дней Изабель каждое утро отправлялась на прогулки, а после обеда запиралась в спальне, хотя Том и так ее не беспокоил, занимаясь своими делами.

Однажды вечером она вытерла вымытую после ужина посуду, принесла свернутую в рулон карту и протянула Тому:

– Это для тебя!

– Спасибо, милая, – отозвался он, не отрываясь от потертого тома о морских узлах. – Я уберу ее завтра.

– Но это для тебя!

Том поднял глаза:

– Это же карта, верно?

Она озорно улыбнулась.

– Чтобы узнать, надо развернуть!

Том развернул рулон и увидел, что карта преобразилась. На ней появились короткие пояснения, цветные рисунки и стрелки. Его первой мыслью было, что карта является собственностью государства и теперь придется выплачивать кучу денег. Всюду виднелись новые названия.

– Ну и как тебе? – просияла Изабель. – Это неправильно, что у мест не было никаких названий! И я их придумала, видишь?

Бухты, скалы и равнины приобрели названия, нанесенные аккуратным мелким почерком: Бурные Воды, Вероломная Скала, Отмель Кораблекрушений, Мирная

Бухта, Убежище Тома, Утес Иззи и еще много чего.

– Я никогда не разбивал остров на отдельные части. Для меня он всегда был просто островом, – сказал Том улыбаясь.

– Мир состоит из различий. И каждое место заслуживает своего названия. Как комнаты в доме.

Том о доме-то никогда не думал в категориях комнат. Для него он всегда являлся просто домом. И ему почему-то взгрустнулось, что остров оказался расчлененным на опасные и безопасные участки. Ему больше нравилось воспринимать его как единое целое. И еще его покоробило, что в названиях встречалось имя «Том». Янус не принадлежал ему. Все как раз наоборот: это он принадлежал Янусу. Недаром туземцы, как он слышал, считают себя детьми тех мест, в которых живут. И обязанностью Тома было просто присматривать за островом.

Он перевел взгляд на жену, сиявшую от удовольствия и гордости за проделанную работу. Наверное, ничего плохого в том, что ей хотелось дать всему свои названия, не было. Может, со временем она научится его понимать.

* * *

Когда Том получал приглашения на встречи однополчан, он всегда отвечал письмом. Желал всего самого наилучшего и посылал немного денег на проведение встреч. Но никогда их не посещал сам. Будучи смотрителем маяка, он и не смог бы присутствовать, даже если бы и захотел. Он знал, что есть немало людей, которые с удовольствием встретят знакомые лица и вспомнят старые времена. Но он к таким не относился. На войне Том потерял верных друзей, с которыми вместе выпивал, сражался бок о бок и переносил все тяготы военной службы. Друзей, которых он понимал без слов, будто они были частью его самого. Он вспоминал разные жаргонные словечки, которыми они называли мины и снаряды, свои скудные продовольственные пайки и ранения, означавшие отправление в Англию на лечение. Интересно, многие ли помнили сейчас этот тайный язык?

Иногда, посреди ночи, он вдруг просыпался от ужасной мысли, что Изабель тоже больше нет, и с облегчением видел ее спящей рядом. Чтобы убедиться окончательно, что она жива, он долго смотрел, как она дышала. А потом утыкался ей носом в спину, чтобы почувствовать мягкость теплой кожи и ровное дыхание. Это самое большое чудо, какое только могло быть.

Глава 8

– Может, все плохое, что случалось в моей жизни, было просто испытанием, чтобы проверить, достоин ли я тебя, Изз?

Они лежали на разостланном на траве одеяле. Изабель находилась на острове уже три месяца. Наступил апрель, ночь была теплой, а небо усеяно звездами. Она лежала, закрыв глаза и положив голову на руку Тома, а он нежно водил пальцем по ее шее.

– Ты – моя вторая половина неба! – сказал он.

– А я и не знала, что ты такой романтичный.

– Это не я придумал. Где-то прочитал. Может, в стихотворении на латыни, а может, в каком-то древнегреческом мифе. Что-то в этом роде.

– Понятно, чему вас учили в элитной школе! – шутливо поддразнила она.

Чтобы отметить день рождения Изабель, Том сам приготовил завтрак и ужин и с удовольствием наблюдал, как его жена распаковала подарок: граммофон, который по его просьбе тайно доставили Ральф и Блюи. Он был призван хоть как-то компенсировать невозможность играть на пианино, которое оказалось вконец расстроенным, ведь долгие годы к нему никто не прикасался. Весь день Изабель слушала Шопена и Брамса, а теперь ночной воздух наполняли звуки «Мессии» Генделя, доносившиеся с маяка. Они установили граммофон в его башне, используя ее как естественную акустическую камеру для придания звуку объема.

– Мне очень нравится, как ты это делаешь, – заметил Том, глядя, как она машинально наматывает на указательный палец прядь волос и отпускает, позволяя волосам распрямиться как пружине.

– Мама говорит, что это дурная привычка, – смутилась она. – Наверное, она у меня врожденная. Я даже не замечаю, что делаю это.

Том взял прядь ее волос и, намотав на палец, отпустил: прядь раскрутилась в полоску, похожую на вымпел на ветру.

– Расскажи мне еще что-нибудь, – попросила Изабель.

Том немного подумал.

– Ты знаешь, что январь получил свое название от бога Януса? Того самого, что дал имя нашему острову. Это двуликий бог, и оба его лица обращены в разные стороны. Довольно неприятная физиономия.

– А он бог чего?

– Дверей. Всегда смотрит в противоположные стороны и потому видит разное. Январь начинает новый год и оглядывается на прожитый. Видит будущее и прошлое. И остров смотрит сразу на два разных океана: один простирается до Южного полюса, а другой – до экватора.

– Я это знала, – сказала она и шутливо ущипнула его за нос. – Просто мне очень нравится слушать, как ты рассказываешь. Расскажи мне о звездах. И покажи еще раз, где находится Центавр.

Том поцеловал ее кончики пальцев и поднял руку, показывая созвездие:

– Вот там.

– Это твое любимое созвездие?

– Ты – моя любимая. Лучше всех созвездий, вместе взятых.

Он наклонился и поцеловал живот Изабель.

– Точнее, ты и это. А может, там близнецы? Или даже тройня?

Голова Тома приподнималась и опускалась вместе с ее дыханием.

– Ты что-нибудь слышишь? С тобой разговаривают? – спросила она.

– Да, и говорят, что надо отнести мамочку в кровать, пока не стало совсем холодно. – Он поднял жену на руки и отнес в дом под слова оратории, доносившейся из башни маяка: «Ибо дитя для нас родилось».[3 - Книга пророка Исайи, 9:6.]

Изабель с гордостью написала матери об ожидающемся прибавлении семейства.

– Мне ужасно хочется, чтобы они поскорее узнали об этом! Если б только я могла к ним добраться вплавь, точно бы прыгнула в воду! Ждать катера выше моих сил! – Она поцеловала Тома и спросила: – А твоему отцу не надо сообщить? Или брату?

Том поднялся и стал вытирать вымытую посуду.

– Не надо, – коротко ответил он.

Изабель, видя, как он смутился, не стала настаивать и осторожно забрала у него полотенце.

– Я сама. У тебя и так хватает забот.

Том дотронулся до ее плеча.

– Пойду займусь твоим креслом, – сообщил он и с натянутой улыбкой вышел из кухни.

В сарае Том оглядел детали кресла-качалки, которое мастерил для Изабель. Он пытался восстановить в памяти, как выглядело кресло, в котором мать читала ему сказки. Он помнил то ощущение, когда она держала его на руках, и задумался, сумеет ли их ребенок сохранить память о прикосновении Изабель на долгие годы своей жизни. Материнство вообще непостижимая вещь! Размышляя о жизненном пути своей матери, он удивлялся смелости женщин, решавшихся на роды. Но Изабель не видела в этом ничего необыкновенного.

– Это же так естественно, Том. Чего тут бояться?

Тому удалось выяснить, где жила его мать, когда ему исполнился двадцать один год и он оканчивал университет. Наконец-то он стал взрослым и сам распоряжался своей жизнью. Адрес, который ему сообщил частный детектив, находился в меблированных комнатах в Дарлингхерсте. Охваченный надеждой и страхом, он стоял на пороге пансиона, снова чувствуя себя восьмилетним ребенком. Из-за закрытых дверей длинного коридора доносились звуки, красноречиво свидетельствовавшие о неблагополучной жизни здешних обитателей. Сдавленные мужские всхлипывания перекрыл крик женщины: «Так больше жить нельзя!» – и раздавшийся затем крик ребенка. Где-то дальше слышался характерный скрип кровати, там, судя по всему, женщина зарабатывала себе на жизнь.

Том сверился с карандашными записями на бумажке, которую сжимал в ладони. Точно, вот нужная дверь! В памяти всплыл успокаивающий материнский голос: «Не надо плакать, мой маленький Томас. Давай-ка мы вместе забинтуем царапинку!»

Ему никто не ответил, и он, постучав еще раз, неуверенно повернул ручку. Дверь оказалась незапертой, и Том вошел. В комнате он сразу ощутил такой знакомый с детства родной запах, который, правда, перебивал стойкий «аромат» табака и дешевой выпивки. В полутемном помещении бросалась в глаза неубранная постель и видавшее виды кресло. Все в коричневых тонах. На оконном стекле трещина, а одинокая роза в вазе давно завяла.

– Ищете Элли Шербурн? – Голос принадлежал жилистому лысеющему мужчине, появившемуся в дверях.

Он никак не ожидал услышать ее имя. И потом – «Элли». В его представлении мать никогда не ассоциировалась с именем «Элли».

– Да, миссис Шербурн. Когда она вернется?

Мужчина хмыкнул:

– Она не вернется. А жаль, она задолжала мне за месяц.

В жизни все оказалось совсем не так, как он рассчитывал. Он же так долго мечтал о встрече с матерью! Сердце Тома учащенно забилось.

– А у вас есть адрес, куда она переехала?

– Там нет адреса. Она умерла три недели назад. Я как раз зашел убрать оставшиеся вещи.

Том ожидал чего угодно, но только не этого. Он замер на месте, не в силах пошевелиться.

– Хотите сюда вселиться? – поинтересовался мужчина.

Том помедлил и достал из бумажника пять фунтов стерлингов.

– Это за ее проживание, – тихо произнес он и вышел в коридор, глотая слезы.

Там перед самой войной, на тихой улочке на окраине Сиднея, оборвалась нить надежды, которой Том жил так долго. Через месяц он записался добровольцем на фронт, указав в документах ближайшей родственницей мать и ее адрес в меблированных комнатах. Вербовщикам было все равно.

Том провел рукой по деревянной планке, которую выточил, и попытался представить, что написал бы в письме матери, будь она жива, и как бы сообщил о ребенке. Он взял новую доску и отмерил рулеткой нужное расстояние.

– Заведей[4 - Имя отца апостолов Иакова и Иоанна (Евангелие от Матфея, 4:21).], – сказала Изабель, стараясь сохранить серьезное выражение лица, и только уголки губ слегка подергивались.

– Что? – переспросил он, перестав потирать ногу.

– Заведей, – повторила она, опуская голову в книгу, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Ты серьезно? Что это еще за имя…

На ее лице появилось обиженное выражение.

– Так звали моего двоюродного дедушку. Заведей Занзибар Грейсмарк.

Том изумленно на нее уставился, и она продолжила:

– Я обещала бабушке перед ее кончиной назвать своего сына, если он у меня будет, именем ее брата. Я не могу взять свое обещание обратно.

– Вообще-то я думал о нормальном имени.

– Ты хочешь сказать, что у моего двоюродного дедушки было ненормальное имя? – Изабель, не выдержав, расхохоталась: – Купился! Купился с потрохами!

– Ах ты, хитрюга! Ты об этом еще пожалеешь!

– Нет, перестань! Хватит!

– Никакой пощады!

Он щекотал ее в живот и шею.

– Сдаюсь!

– Слишком поздно!

Они лежали на траве, за которой начиналась Отмель Кораблекрушений. День клонился к вечеру, и мягкие лучи солнца окрашивали белый песок в золото.

Неожиданно Том замер.

– Что случилось? – спросила Изабель, выглядывая из-под длинных прядей волос, закрывавших лицо.

Он откинул ей пряди назад и долго смотрел, не говоря ни слова.

– Том? – Она провела рукой по его щеке.

– У меня никак в голове не укладывается. Еще три месяца назад были только мы с тобой, а теперь еще есть вот эта новая жизнь. Которая появилась из ниоткуда. И похожа она на…

– Ребенка.

– Да, на ребенка, но дело не в этом, Изз. Раньше, еще до твоего приезда, я часто размышлял на маяке, что такое жизнь. В смысле по сравнению со смертью… – Он смутился. – Я болтаю глупости. Больше не буду.

Изабель устроилась поудобнее и подложила кулак под подбородок.

– Ты редко о чем-то рассказываешь, Том. Прошу тебя, продолжай.

– Я не знаю, как это выразить. Откуда взялась жизнь?

– А это важно?

– Важно? – переспросил он.

– Это таинство, которого нам не дано понять.

– Бывают минуты, когда мне ужасно хочется узнать ответ. Это правда! В последний раз, когда рядом со мной погиб человек, мне очень хотелось спросить у него, куда он отправился. Вот только что он был рядом, совершенно здоровый и нормальный, а потом в него угодило несколько кусочков свинца, от которых невозможно увернуться, и теперь он уже в другом месте. Как это возможно?

Изабель подтянула к себе колени и, обняв их одной рукой, другой оперлась о землю.

– Как ты думаешь, люди помнят эту жизнь, когда уходят? Вот мои бабушка и дедушка – они там по-прежнему вместе?

– Понятия не имею.

Она вдруг встревожилась:

– А когда мы умрем, Том, Бог ведь нас не разлучит? Он позволит нам быть вместе?

Том обнял ее.

– Ну вот, видишь, чем все кончилось? Зря я затеял этот глупый разговор! Слушай, мы же выбирали имена! И я пытался спасти бедного мальчугана от жизни под именем Заведей какой-то там Занзибар. А что с женскими именами?

– Элис, Амелия, Аннабель, Ариадна…

Том поднял бровь.

– Ну вот опять! «Ариадна»! Жизнь на маяке и так несладка, так что давай не будем усугублять это именем, над которым все будут смеяться.

– Осталось еще каких-то пара сотен страниц, – заметила Изабель, улыбаясь.

– Так давай не будем отвлекаться!

В тот же вечер, выйдя на галерею на маяке, Том снова задумался над мучившим его вопросом. Где находилась душа их ребенка раньше? И куда отправится потом? Где оказались души парней, с которыми он месил на фронте грязь и делил все беды и радости?

Вот он, живой и здоровый, находился сейчас здесь с чудесной женой в придачу, и какая-то душа решила к ним присоединиться. И из ниоткуда появится ребенок. Над ним так долго висела смерть, что такой подарок судьбы казался просто невероятным. Он вернулся в помещение и посмотрел на фотографию жены, висевшую на стене. Загадка! Иначе и не скажешь!

Другим подарком, заказанным Томом и доставленным на катере, было «Руководство по уходу за детьми для австралийских матерей» доктора Сэмюэля Гриффитса. Изабель изучала его все свободное время.

Она постоянно забрасывала его вопросами:

– А ты знаешь, что коленки у младенцев не из кости? – Или: – А ты знаешь, в каком возрасте младенцы начинают есть с ложки?

– Понятия не имею, Изз.

– Угадай!

– Ну откуда мне знать?

– С тобой совсем неинтересно! – пожаловалась она и снова уткнулась в книгу.

За несколько недель она так зачитала книгу, что страницы поистрепались и даже перепачкались от постоянного чтения на траве.

– Тебе же предстоят роды, а не экзамен!

– Я просто хочу все делать правильно! Я же не могу постучаться в соседнюю дверь и спросить у мамы, верно?

– Какая же ты глупышка! – засмеялся Том.

– А что? Что здесь смешного?

– Ничего. Абсолютно ничего. Даже если бы я мог, я бы ничего не стал в тебе менять!

Она улыбнулась и поцеловала его.

– Из тебя выйдет просто замечательный папа! Я это точно знаю!

Но в ее глазах промелькнул вопрос.

– Что? – решил ей помочь Том.

– Ничего.

– И все же?

– Твой отец. Почему ты никогда о нем не говоришь?

– Мы не ладили.

– Но какой он был?

Том задумался. Как описать отца в двух словах? Как описать его взгляд, никого и никогда не пускавший в свой внутренний мир?

– Он был из тех, кто всегда прав. И не важно, о чем шла речь. Он жил по своим, не подвергавшимся сомнению правилам и оставался им верен, невзирая ни на что. – Том вспомнил высокую фигуру отца, в тени которой прошло все его детство. Такой же холодной и бесчувственной, как могила.

– Он был строгим?

Том горько усмехнулся.

– «Строгим» – не то слово! – Он потер подбородок, стараясь подобрать правильные слова. – Может, он хотел воспитать из сыновей достойных мужчин. Он порол нас за любую провинность. Во всяком случае, меня. Сесил всегда сваливал вину на меня и отделывался легким испугом. – Том снова усмехнулся. – Хотя должен признать: в армии такое воспитание здорово пригодилось. Никогда не знаешь, что в жизни пойдет на пользу! – Он снова стал серьезным. – И еще один плюс: на фронте было не так страшно, зная, что похоронка на тебя никому не разобьет сердце.

– Господи, Том! Как можно говорить такое?!

Он прижал ее голову к груди и молча погладил по волосам.

Бывали дни, когда океан становился не похож сам на себя. Он терял синеву и превращался в свирепого дикого монстра, породить который могли только боги. Он с яростью обрушивался на остров, отгрызая от скал целые куски и накрывая облаком брызг всю башню маяка. Его рев казался рыком лютого зверя, чья злоба не знала границ. Именно в такие дни маяк нужен больше всего.

В самые свирепые штормы Том находился на маяке всю ночь, греясь возле керосиновой печки и балуя себя горячим сладким чаем из термоса. Он думал о тех бедолагах, которые сейчас на судах в море, и благодарил Бога, что сам в безопасности. Он вглядывался в ревущую пучину в поисках сигналов бедствия и держал наготове ялик, хотя в такую непогоду какой от него толк?

В ту майскую ночь Том сидел с блокнотом и карандашом и прикидывал расходы. Его ежегодное жалованье составляло триста двадцать семь фунтов стерлингов. Сколько стоили детские ботинки? По словам Ральфа, дети вырастают из них очень быстро. Потом одежда. И учебники. Конечно, если он останется на маяке, Изабель сама будет учить детей. Но в такие ночи Том часто задавался вопросом, а было ли вообще справедливо навязывать такой образ жизни другим, тем более детям. Но ему тут же вспоминались слова одного смотрителя маяка с восточного побережья по имени Джек Троссел.

– Клянусь, для детей лучше места не найти! – заявил он Тому. – Все шестеро моих пышут здоровьем! Вечно играют и озоруют! Исследуют пещеры, строят

шалаши. Настоящая шайка первооткрывателей! А жена следит за тем, чтобы уроки были сделаны. Уж поверь мне на слово – растить детей на маяке легче легкого!

Том вернулся к своим расчетам: как сэкономить, закупить всю нужную одежду и лекарства и еще бог знает что. Перспектива стать отцом его пугала и волновала одновременно.

В ту ночь рев шторма заглушал все звуки, и Том, погруженный в воспоминания об отце, ничего не слышал. Не слышал крика Изабель, звавшей на помощь.

Глава 9

– Сделать тебе чаю? – спросил Том, не представляя, чем может помочь. Он был по натуре обстоятельным и практичным, умел обращаться с инструментами, чинить неисправности и мастерить. Но перед лицом убитой горем жены он чувствовал полную беспомощность.

Изабель не подняла головы, и он предпринял новую попытку.

– Может, дать обезболивающего? – Смотрителей учили оказывать первую помощь, и они знали, что делать, если утонувшего еще можно спасти, как поступать при переохлаждении или обгорании, как дезинфицировать раны и даже ампутировать. Однако этот курс не включал изучения гинекологии, и что делать в случае угрозы выкидыша, Том совершенно не представлял.

После того шторма прошло два дня. У Изабель продолжалось кровотечение, но она запрещала Тому радировать о помощи. Всю ту злополучную ночь он провел на маяке и, погасив его на рассвете, вернулся домой совершенно разбитым. Войдя в спальню, он увидел скорчившуюся Изабель и перепачканные кровью простыни на кровати. В ее глазах было такое отчаяние, что у Тома оборвалось сердце.

– Мне так жаль, Том, – прошептала она. – Ты даже представить себе не можешь! – Тут на нее накатила новая волна боли, и она, застонав, прижала руки

к животу. – Зачем теперь нужен доктор? Ребенка все равно больше нет! – Ее взгляд метался по комнате, не в силах остановиться на чем-то одном. – Неужели я проклята? – пробормотала она. – Ведь столько женщин рожают, и ничего!

– Изз, перестань, не говори так!

– Это я виновата, Том. Я и только я!

– Все не так, Изз. – Он прижал ее голову к своей груди и принялся целовать волосы. – У нас еще будут дети. И когда их станет пятеро и они будут вечно вертеться под ногами, все случившееся покажется страшным сном. Давай посидим на веранде. Тебе это пойдет на пользу.

Усадив Изабель в плетеное кресло, он накрыл ее голубым одеялом в клетку и устроился рядом. Они вместе смотрели, как по осеннему небу плыл солнечный диск.

Изабель вспомнилось, каким пустынным ей показался остров, когда она только вступила на его землю, но постепенно она, как и Том, научилась замечать малейшие перемены, наполнявшие его жизнью. Облака собирались в группы и бороздили небо. Форма волн зависела от ветра и времени года и могла рассказать о погоде на завтра, если уметь по ней ориентироваться. Она познакомилась с птицами, которых время от времени каким-то чудом приносило сюда ветром, будто те были семенами, подхваченными его порывами, или водорослями, выброшенными на берег.

Она посмотрела на две одинокие сосны, оплакивавшие свою уединенность.

– Здесь не хватает деревьев, – неожиданно сказала она. – Я скучаю по лесам, Том. По их листьям, запаху и тому, что их много. Господи, Том, мне так не хватает животных, тех же самых кенгуру! Как мне всего этого не хватает!

– Я знаю, Изз, милая.

– А ты разве не скучаешь?

– Ты – единственное на свете существо, которое мне нужно в жизни, и ты со мной рядом. Остальное не так важно. Все образуется, нужно просто подождать.

* * *

Как бы часто и старательно Изабель ни убиралась, с пылью справиться было просто невозможно. Она постоянно присутствовала буквально везде: на их свадебной фотографии, на снимке Хью и Элфи в новенькой форме, сделанном почти сразу после того, как они в 1916 году записались добровольцами. Они довольно улыбались, будто получили приглашение на вечеринку. Конечно, не самые рослые ребята в Австралийских Императорских силах, но зато полные энтузиазма и такие лихие в новеньких шляпах с широкими опущенными полями.

В ее коробке для шитья царил рабочий порядок, совсем не похожий на ту безупречность, в которой содержались швейные принадлежности матери. Детали рубашки для крещения были сколоты булавками, но еще не сшиты вместе.

На туалетном столике стояла шкатулка, сделанная Томом, где рядом с маленьким жемчужным ожерельем, подаренным им на свадьбу, лежали несколько черепаховых гребней и расческа для волос.

Изабель медленно обошла гостиную: в глаза бросился тонкий слой уже успевшей осесть пыли, потрескавшаяся штукатурка в оконной раме, потертые края темно-синего коврика. Возле камина надо было подмести, а занавески на окнах выцвели и деформировались из-за вечных капризов погоды. Сама мысль о том, что надо убраться, окончательно лишала ее остатков сил. Всего несколько недель назад ее переполняло ожидание и она была полна энергии. А теперь вдруг комната стала походить на могилу и жизнь потеряла всякий смысл.

Она открыла альбом с фотографиями, который мать подарила ей перед отъездом, и стала разглядывать свои детские снимки с логотипом фотоателье «Гутчер» на обратной стороне. Вот снимок родителей в день свадьбы, а вот фотография дома. Изабель провела пальцем по краям кружевной салфетки, которую бабушка сама расшила себе в приданое. Она подошла к пианино и открыла крышку.

Ореховое дерево в нескольких местах треснуло. Над клавиатурой золотым тиснением были выбиты слова: «Ивзстафф, Лондон». Она часто представляла себе путь, который проделал этот музыкальный инструмент, пока добирался до Австралии, и как могла бы сложиться его судьба, окажись он в английском доме или школе, где клавиши бы стерлись под маленькими неумелыми пальцами детишек, или даже на сцене. А вышло так, что пианино, вопреки всякому здравому смыслу, оказалось на далеком острове и его звучание украли одиночество и погода.

Она нажала клавишу «до», но так медленно, что не раздалось никакого звука. Теплая поверхность из слоновой кости напомнила ей подушечки пальцев бабушки, и на нее нахлынули воспоминания об изнурительных уроках музыки после обеда. Гамма ля-бемоль мажор в одну октаву, затем в две, потом в три. Звук удара крикетного мяча по дереву: это Хью и Элфи играли на улице, а она, «маленькая леди», «приобретала знания» и выслушивала неустанные напоминания бабушки о том, как важно не опускать запястья. «Но это же глупо – играть гаммы!» – возмущалась Изабель. «Но зато очень полезно, малышка», – успокаивала ее бабушка. «А можно мне поиграть в крикет, бабуль? Совсем чуть-чуть, а потом я сразу вернусь». «Крикет – это игра не для девушек. Ну же, хватит капризничать. А теперь – этюд Шопена», – не сдавалась бабушка, открывая ноты со следами маленьких перепачканных шоколадом пальчиков и исчерканные карандашными заметками.

Изабель нежно провела пальцем по клавише. Ей вдруг ужасно захотелось снова оказаться в прошлом, но не в том, где уроки музыки, а в том, где она могла выскочить во двор и, подобрав юбку, занять пост игрока, охраняющего ворота, во время игры братьев в крикет. Она принялась нажимать на другие клавиши, будто они могли воплотить ее мечту в жизнь. Но в ответ раздалось лишь приглушенное постукивание их о дерево там, где стерся фетр.

– Бесполезно! От него никакого толку! Как и от меня! – сказала она Тому, который вошел в гостиную, и заплакала.

Через два дня они стояли возле утеса.

Том вбил в землю небольшой крест, который сделал из прибитой к берегу доски, и убедился, что тот держится прочно. По просьбе жены он вырезал на нем

надпись: «31 мая 1922 года. Вечная память».

Том взял лопату и вырыл яму для куста розмарина, который принес из их палисадника. На него вдруг накатился такой сильный приступ тошноты, что даже вспотели ладони.

Изабель стояла на утесе и сверху наблюдала, как пришвартовывался «Уинворд спирит». Вскоре Ральф и Блюи сойдут на берег, и встречать их ей не хотелось. Когда перебросили трап, с ними сошел и еще какой-то человек, хотя с маяком все было в порядке и никакого ремонта не требовалось.

Том поднялся к ней по тропинке, а приехавшие задержались на пристани. После морской качки незнакомец с черным чемоданчиком явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Изабель со злостью обрушилась на Тома:

– Как ты посмел?!

– Как я посмел? – опешил Том.

– Я же говорила, что мне никого не нужно, а ты все равно сделал по-своему! Можешь отослать его обратно! Ему здесь нечего делать!

Когда Изабель сердилась, она всегда походила на обиженного ребенка. Том невольно улыбнулся, но это разозлило Изабель еще больше. Она решительно уперлась руками в бока и с вызовом посмотрела на него:

– Я предупреждала тебя, что никакого доктора не нужно, а ты его вызвал за моей спиной! Я не собираюсь выслушивать от него то, что мне и так известно! Как только не стыдно! Что ж, разбирайся с ними как хочешь!

– Иззи, – примирительно произнес Том, – пожалуйста, успокойся! Не надо устраивать сцен. Он вовсе не… – Но она уже решительно удалялась и не слышала конца фразы.

– Ну? – поинтересовался Ральф, здороваясь с Томом. – Как она отреагировала? Наверняка рада-радешенька!

– Не совсем. – Том сунул в карманы сжатые в кулаки руки.

– Но… – Ральф изумленно на него посмотрел. – Я думал, она будет прыгать от радости! Хильде стоило немалых трудов уговорить его приехать, а просить кого-то о чем-то не в ее правилах!

– Изабель… – Том помолчал, раздумывая, стоит ли объяснять. – Она все неправильно поняла. А стоит ей закусить удила, и говорить с ней бесполезно. Надо просто подождать, пока она успокоится. Боюсь, что сандвичи мне придется делать самому.

К ним подошли Блюи с приехавшим мужчиной, и они вчетвером отправились в дом.

Изабель сидела на траве у бухточки, и у нее все кипело внутри. Сама мысль о том, что ее грязное белье выволокли наружу, казалась невыносимой. Какое до этого дело Ральфу и Блюи? Наверняка они всю дорогу перемывали ей косточки и говорили бог знает что! То, что Том пригласил доктора вопреки ее запрету, казалось ей настоящим предательством.

Она смотрела на воду и как ветер поднимал волны там, где еще утром на поверхности была лишь небольшая зыбь. Прошло несколько часов. Она проголодалась и устала. Но появляться дома, пока там находился доктор, она ни за что не будет! Изабель переключила внимание на окружающую природу и принялась разглядывать узоры на листиках, прислушиваясь к шуму волн, свисту ветра и крикам птиц. Неожиданно раздался непривычный звук: короткий и повторяющийся. Откуда он доносился? С маяка? Из дома? Но он не был похож на лязг по металлу в мастерской. Звук повторился, но на этот раз в другой тональности. На Янусе ветер часто раскладывал звуки на разные частоты, разнося их по острову. Две чайки опустились рядом и затеяли громкую свару из-за рыбины, заглушая все другие звуки.

Изабель вновь погрузилась в созерцание, от которого ее отвлекли принесенные с порывом ветра звуки. Ошибиться было невозможно: она слышала, как кто-то наигрывал гамму! В звучании чувствовалась фальшь, но с каждым разом все

меньше и меньше.

Ни Ральф, ни Блюи никогда раньше не подходили к инструменту, а Том точно не умел играть! Наверняка это проклятый доктор решил размять пальцы, не найдя им лучшего применения. Ей самой так и не удалось извлечь из пианино даже самой простенькой мелодии, а сейчас оно звучало! Вне себя от бешенства, Изабель помчалась к дому, полная решимости указать незваному гостю его место. Том, Ральф и Блюи заносили в сарай мешки с мукой.

– Привет, Иза… – начал было Ральф, но договорить не успел, так как она пронеслась мимо и буквально ворвалась в гостиную.

– Это сложный музыкальный инструмент, и я попрошу вас… – Она осеклась, увидев, что пианино полностью разобрано, на полу стоит раскрытый ящик с инструментами, а незнакомец поворачивал маленьким ключом гайку, затягивавшую медную басовую струну, по которой ударял клавишей.

– Тут проблема в мумифицированной чайке, – сказал он не оборачиваясь. – Во всяком случае, отчасти. И конечно, воздействие в течение двадцати лет песка, соли и бог знает чего еще сыграло свою роль. Я заменю где требуется истершийся фетр, и звук тогда станет лучше. – Он продолжал подкручивать гайку, добиваясь нужного звучания. – Чего я только не находил в пианино за годы своей работы! Мертвых крыс. Сандвичи. И даже дохлую кошку. Я мог бы написать об этом целую книгу, хотя понять, как они там все оказались, просто невозможно. Да и чайка вряд ли туда залетела сама.

Изабель настолько опешила, что лишилась дара речи. Она так и стояла с приоткрытым ртом, когда почувствовала на плече чью-то руку и, обернувшись, увидела Тома. Она густо покраснела.

– Как тебе сюрприз? – спросил он и поцеловал ее в щеку.

– Я… ну… – Изабель не знала, что и сказать.

Он обнял ее за талию и повернул к себе, и они, постояв какое-то время, упираясь друг в друга лбами, дружно расхохотались.

Следующие два часа она неотрывно сидела возле настройщика и наблюдала, как он добивался нужного звучания, пока пианино не заиграло громко и не фальшивя. Он закончил работу исполнением «Аллилуйи» из «Мессии» Генделя.

– Я сделал все, что мог, миссис Шербурн, – сказал он, убирая инструменты обратно в ящик. – Вообще-то по-хорошему его бы надо привезти в мастерскую, но от поездки туда и обратно будет больше вреда, чем пользы. До идеального состояния, конечно, еще далеко, но какое-то время пианино послужит верой и правдой. – Он подвинул поближе стул. – Хотите попробовать?

Изабель села и проиграла мажорную гамму.

– Совсем другое дело! – воскликнула она и начала играть Генделя по памяти, когда послышался кашель. Обернувшись, она увидела в дверях Ральфа, стоявшего позади Блюи.

– Играйте дальше! – попросил Блюи, видя, что она обернулась.

– Мне ужасно стыдно за свое поведение. Пожалуйста, извините меня.

– Все в порядке! – заверил Ральф. – А это вам. От Хильды, – пояснил он, вытаскивая из-за спины сверток, перевязанный красной ленточкой.

– А можно посмотреть прямо сейчас?

– Нужно! Если я не предоставлю подробный отчет во всех деталях, мне не жить!

Изабель сняла обертку, под которой оказались «Вариации Гольдберга» Баха.

– Том говорит, что вы умеете играть это с закрытыми глазами.

– Я не играла их уже очень и очень давно! Я… их просто обожаю! Спасибо! – Она порывисто обняла Ральфа и чмокнула его в щеку. – И тебе спасибо, Блюи! – поблагодарила она и тоже поцеловала юношу, случайно коснувшись его губ, потому что он как раз поворачивал голову.

Блюи сильно покраснел и опустил глаза в пол.

– Я здесь вообще-то ни при чем, – смущенно пробормотал он, но Том запротестовал:

– Не верь ни единому слову! Он ездил за мастером в Албани. Потратил на это весь день.

– В таком случае ты заслуживаешь отдельного поцелуя! – сказала Изабель и чмокнула его в другую щеку. – И вы тоже! – добавила она, чтобы настройщик не чувствовал себя обделенным.

В тот же вечер, когда Том проверял механизм вращения маяка, здание башни наполняла торжественная музыка Баха, разносившаяся по световой камере и затихавшая между сверкающими призмами. Подобно ртути, позволявшей свету освещать все вокруг, Изабель представляла собой настоящую тайну. Она могла исцелить и разрушить, вынести любые тяготы и – в бегстве от себя самой – разлететься на тысячи мельчайших капелек, которые невозможно собрать.

Том вышел на галерею. Когда на горизонте исчезли огни катера, он прочел про себя молитву за Изабель и их совместную жизнь. Потом взял вахтенный журнал и в колонке «Примечание» на среду 13 сентября 1922 года написал: «На судне «Уинворд спирит» на остров приезжал настройщик пианино Арчи Полок. Разрешение на посещение имелось».

Часть II

Глава 10

27 апреля 1926 года

Губы Изабель побелели, а глаза потухли. Она по привычке еще часто дотрагивалась до живота, но его отсутствие тут же напоминало, что в нем

больше нет плода. Однако до сих пор на блузках то и дело проступали пятна от молока, которое неожиданно появилось в первые дни – настоящее пиршество для так и не появившегося на свет малыша. И она принималась неутешно и горько плакать, как будто это случилось только что.

Она стояла с простынями в руках: работа есть работа и должна выполняться, что бы ни случилось, совсем как маяк, который должен светить всегда.

Заправив постель и убрав сложенную ночную сорочку под подушку, она направилась к скале посидеть у могил. Свежей могилой она занималась дольше других, размышляя, приживутся ли на ней саженцы розмарина. Она вытащила несколько ростков возле двух других крестов, на которых за эти годы появился налет соли, но кустарник сумел устоять под порывами штормового ветра.

Услышав детский плач, она машинально бросила взгляд на новую могилу. Вопреки всякой логике, ей вдруг почудилось, что произошла какая-то нелепая ошибка и ее последний ребенок родился не мертвым, а жил и дышал. Иллюзия рассеялась, но плач продолжался.

А потом с галереи послышался крик Тома: «Иззи, там лодка! Там лодка на берегу!» – и, поняв, что ей не почудилось, она бросилась со всех ног вниз по тропинке к пляжу, куда прибило ялик.

Мужчина в ялике был мертв, но Том вытащил из-под сиденья маленький плачущий сверток.

– С ума сойти! – воскликнул он. – Черт меня подери, Иззи! Да это…

– Ребенок! Боже милостивый! Господи, Том! Том! Дай же его скорее сюда!

Дома при виде младенца Изабель моментально преобразилась: ее руки инстинктивно знали, как держать малютку и как ее успокоить, чтобы не плакала. Поливая из ковшика теплой водой крошечное тельце, она с замиранием сердца разглядывала нежнейшую кожу, упругую и без единой морщинки. Она по очереди перецеловала все пальчики, нежно откусывая малюсенькие ноготки, чтобы ребенок себя случайно не поцарапал. Чуть приподняв головку в ладони,

она вытерла самым мягким шелковым платком малютке слезы на личике и убрала начавшую подсыхать под носом слизь. Затем обмыла ребенку все тельце и еще раз лицо: казалось, одно действие автоматически влекло за собой другое, как будто вся процедура была единым целым.

Заглядывать в эти глаза было все равно что смотреть в лицо Бога. Невероятное, невозможное прямодушие и удивительная беззащитность буквально ошеломляли. То, что это крохотное создание из плоти и крови сумело проделать такой путь, чтобы оказаться с ней, не могло быть ничем иным, кроме воли провидения… И всего через две недели, после того как… Это не может быть простой случайностью! Хрупкое, как снежинка, существо могло запросто кануть в небытие, если бы волны и ветер не принесли ялик прямиком на Отмель Кораблекрушений.

Обходясь без всяких слов, ребенок демонстрировал свое полное доверие каким-то неведомым способом общения, доступным только живым существам: расслаблением мышц, поворотом шейки, взглядом. Побывав на краю смерти, одна жизнь соединялась с другой, как сливаются капли воды в единое целое.

Изабель переполняли самые разные эмоции. Ее охватывал трепет при виде крохотной ручонки, вцепившейся в палец. Она чувствовала умиление, глядя на сладкую крохотную попку, которой еще только предстояло сформироваться, и испытывала настоящее благоговение при мысли, что дыхание наполняло это создание плотью, кровью и душой. И обрушившиеся на нее чувства вытесняли черную пустоту боли.

– Вот видишь, малютка, ты довела меня до слез! – сказала Изабель. – И как тебе это удалось? Какая же ты красивая и необыкновенная!

Она вытащила ребенка из ванночки, осторожно, как бесценное сокровище, переложила на мягкое белое полотенце и начала вытирать, вернее, осторожно впитывать влагу тканью, как обычно промокают чернила, чтобы не смазать написанное.

Малышка лежала тихо, терпеливо ожидая, пока сменят подгузник и посыплют тальком опрелости. Изабель не раздумывая достала из комода в детской приготовленные, но так и не потребовавшиеся одежки. Она выбрала желтое платье с утятами и осторожно надела его на малютку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Условное название вод Тихого, Атлантического и Индийского океанов, окружающих Антарктиду. В действующем определении океанов от 1953 года Южного океана нет. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Строки из известного стихотворения Мэри Ховитт (1799—1888) «Паук и муха».

3

Книга пророка Исайи, 9:6.

4

Имя отца апостолов Иакова и Иоанна (Евангелие от Матфея, 4:21).

Купить: https://tellnovel.com/stedman_m/svet-v-okeane

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити